

Приватний
історико-краєзнавчий
та
літературно-
мистецький
журнал

4 (43) 2012

Журнал заснований 19 серпня 1991
року Валерієм Басировим

УНОМЕРІ:

ЮВІЛЕЙ	Валерій БАСИРОВ...3
	Лист Миколи ЄРЬОМИНА...3
	Марина ЦВЄТАЄВА...14
	Публікація-дослідження
	Станіслава АЙДНЯНА...14
ПОЕЗІЯ	Олександр КОВАЛЕНКО...10
	Микола СИДОРЕНКО...11
	Володимир ЦИБІН...11
	Лев ОЗЕРОВ...12
НАШЕ ІНТЕРВ'Ю	Інтерв'ю Ольги ПРИЛУЦЬКОЇ з фотохудожником
	Андрієм КЛИМАЧОВИМ...26
НАШІ ГОСТИ	Віталій КУЗНЄЦОВ...29
	Микола ТИМОХІН...32
МУЗИКА	ДОНСЬКА ХОРОВА КАПЕЛА «АНАСТАСІЯ»...34
ПУБЛІЦИСТИКА	Наталя ЛАВРЕЦОВА...36
ПЕРЕКЛАДИ	Михайло ЧЕРНИК (Валерій Басиров)...56
	Іржі ГОНЗИК (Ірина Сілецька)...56
	Зденек ЯНЕК (Ірина Сілецька)...57
	Іржі ЖАЧЕК (Лев Рябчиков)...58
	Вацлав ГОНС (Тамара Гордієнко)...58
	Іван СКАЛА (Павло Кашаєв)...59
	Іржі ЖАЧЕК (Павло Кашаєв)...59
	Єва ФРАНТИНОВА (Павло Кашаєв)...59
	Карел СІС (Ольга Прилуцька)...60
	Даніел СТРОЖ (Ольга Прилуцька)...60
	Мирослав ФЛОРІАН (Ольга Прилуцька)...60
ПОСМІХНІСЬ	Рефат ШАКІР-АЛІЄВ...61

Сімферополь
2012

Головний редактор
Валерій Басиров

Журнал зареєстрований
Держкомвидавом України
08. 06. 1994 року.
Серія КВ № 697

Фотовиставка журналу
представляє роботи
Андрія Клімачова
(Москва)

Обкладинка художника Тараса Андрійчука
(м. Хмельницький)

Додаток — аудіодиск: 1. Історія життя
В. Басирова (фотофільми 1, 2);
2. "Анастасія".

Підготовлено до друку
та віддруковано
у комп’ютерному центрі
видавництва “ДОЛЯ”:
Україна, АР Крим, м. Сімферополь,
вул. Виноградна, 22, тел.: (0652) 57.30.01

Редактор четвертого числа часопису
Ольга ПРИЛУЦЬКА

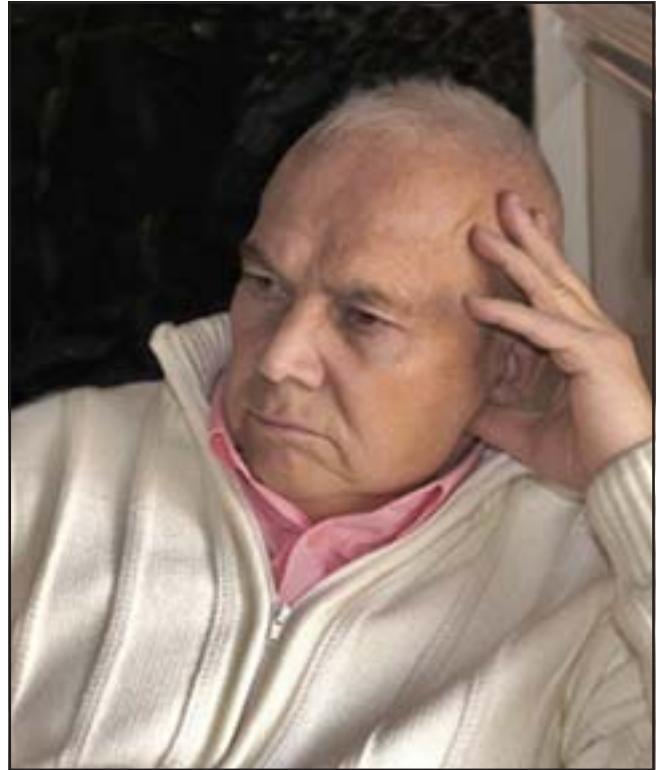
Журнал виходить українською, російською,
англійською, польською мовами.

Розповсюджується на замовлення.

Точка зору редакції може не співпадати з думкою авторів.
Відповідальність за достовірність фактів несуть автори публікацій.

ЮБИЛЕЙ**ПОЗДРАВЛЯЕМ!**

11 сентября у основателя «ДОЛИ», главного редактора нашего журнала Валерия Басырова юбилей. Ему исполняется 65 лет! Мы поздравляем Валерия Магафуровича с этой славной датой и присоединяемся к пожеланиям его однокашника по Литературному институту им. А. М. Горького Николая Николаевича Ерёмина.

*Николай Ерёмин***ПИСЬМО ЮБИЛЯРУ ВАЛЕРИЮ БАСЫРОВУ**

Здравствуй, дорогой мой далёкий друг Валерий!

Пишет тебе в солнечный Симферополь из не менее солнечной Сибири Николай Ерёмин, чтобы поздравить тебя с надвигающимся 65-летием. Как врач скажу, что тебе суждена долгая и счастливая жизнь. По моим врачебным наблюдениям, тот, кто перескочил цифру 62, просто обречён на физическое и творческое долголетие.

Мне сейчас 69, так что догоняй, успех обеспечен!

Не случайно Ольга Прилуцкая нашла меня на необъятных просторах мирового Интернета по журналу «Истоки», который мы издаём с моим давним другом Сергеем Прохоровым. Многие считают его родственником миллиардера Михаила Прохорова, который прописался в прекрасном Красноярском крае и уплатой налогов поддерживает наше социальное материальное благополучие.

Мы же с Сергеем поддерживаем интел-

лектуальный и творческий уровень жителей Красноярского края, территории которого может вместить в себя Англию, Францию, Германию и многие другие страны, если они, конечно, того захотят. Сергей Прохоров пока даже не миллионер, но в связи с инфляцией, деноминацией и дефолтом, которые не за горами, вполне может им стать на некоторое время. Живёт он в райцентре Нижний Ингаш и, когда мы познакомились, работал в газете «Победа» ответственным секретарём.

Он-то однажды и напечатал в ней целую полосу моих стихотворений. И я, врач-психиатр, работая неподалёку в таёжном посёлке Поймо-Тина, послал эту полосу в Москву на конкурс. И в результате стал студентом-заочником Литературного института имени А. М. Горького и твоим, Валерий, волею судьбы сокурсником.

Вот она, передо мною, фотография 1971 года, где твоё молодое улыбающееся лицо — слева, а моя белая рубашка — справа.

1971 г., сентябрь. Литинститут, первый курс.

Узнал я тебя сразу — по улыбке. И, посмотрев на изображение сегодняшних дней, сравнив, смог узнать тебя, возмужавшего, — по этой же улыбке. Память заработала, и всё стало на свои места.

...И литинститутские сессии, и семинарские занятия в старинном особняке, доме Герцена, воспетом Михаилом Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». И проживание в бессонном общежитии на улице имени великого критика Николая Добролюбова. Вспомнились встречи с нашими преподавателями, творческими руководителями Николаем Сидоренко, Робертом Рождественским, Владимиром Цыбиным, Сергеем Поделковым... Константином Кедровым, который, кстати сказать, напечатал мои новые стихи в издаваемом им «Журнале Поэтов» №5 за этот год.

Вспомнились имена сокурсников, которые и тебе хорошо известны. Вот они: Михаил Айвазян, Еремей Айпин, Андрей Богословский, Большакова Татьяна, Варфоломеев Анатолий, Васичкин Валентин, Газиев Магомед, Гуринович Валерий, Евпатов Владимир, Жосу Ниже, Загородний Евгений, Зай-

цев Александр, Зуева-Четверикова Татьяна, Иванченко Александр, Иващенко Александр, Калмыков Юрий, Каплунов Юрий, Касмынин Геннадий, Кириллов Александр, Коллар Валентин, Костырев Юрий, Кукарека Григорий, Куралех Светлана, Куркчи Айдер, Муравенко Александр, Мустонен Раиса, Назаренко Юрий, Олейникова (Машкара) Татьяна, Пересунько Юрий, Перцовская Ирина, Плохотнюк Николай, Пономарев Юрий, Попов Петр, Пустынников, Синицын Виктор, Старостин Юрий, Фигарев Александр, Чалый Иван, Чудин Виктор, Чупаленков Сергей, Шамрай Виктор, Шеханова Татьяна.

Ясно вспомнилось доброжелательное лицо ректора Владимира Фёдоровича Пименова, известного театрального деятеля, который поощрял наши походы по театрам Москвы, давая время от времени пропуска в театр на Таганке, имени Маяковского, имени Вахтангова, имени Ленкома, Сатиры...

Как жалко, что никого из наших с тобой сокурсников я не увидел в декабре 2008 года в Москве, на 75-летии Литинститута!

Вот и пришла мне мысль, Валера, озабочить тебя заранее.

Приезжай в декабре 2012 года в Москву, когда нашему Литинституту стукнет 80 лет! Ректор Борис Николаевич Тарасов — милейший человек — примет нас с тобою, было бы желание. А желание у меня побывать на юбилее огромное, и встретить там ещё кого-нибудь из вышеприведённого списка.

К сожалению, не сможет приехать мой литинститутский друг, замечательный поэт Валентин Коллар из Николаева. Защищили мы с ним дипломные работы в один день, оба — «с отличием». Но, по возвращении в Николаев, поэт не стал менять свою профессию. Так и остался шофёром. Но каким! Самым первым откликнулся он на Чернобыльскую трагедию. И по своему желанию несколько раз ездил на ликвидацию последствий ядерной катастрофы. И, конечно, облучился. И, конечно, смертельная радиация не пощадила его талант и жизнь.

А стихи, на украинском языке, писал — гениальные. Если их сейчас обнародовать, факт этот может стать событием в современной литературной жизни Украины. Тут тебе, как издателю, и карты в руки!

После окончания Литературного института, став членом Союза писателей СССР, а потом и Союза российских писателей, уже отдав медицине 20 лет, я тоже увлёкся издательской деятельностью. Таким образом, диплом Литинститута, в котором была записана специальность «Литературная работа» — был оправдан. Как только вокруг меня появляется пять-шесть талантливых

поэтов или прозаиков, рвущихся к славе, я тут же издаю альманах. Так, недавно увидели свет МИРАЖИСТЫ, КОШКИН ДОМ, ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ...

Всё-таки, великая вещь — свобода слова! И я рад, что ты одним из первых сделал всё возможное, чтобы она восторжествовала.

Как здорово, что сейчас нет тоталитарной идеологической цензуры и контроля, обязывающего к так называемому единомыслию, и мы можем свободно издавать свои книги, альманахи и журналы!

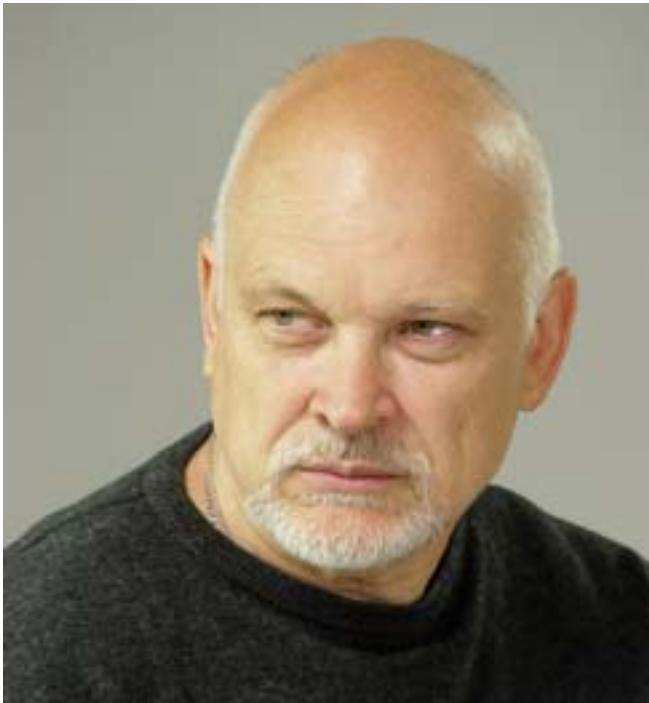
И вот, когда Ольга Прилуцкая появилась на моём Интернет-небосклоне, родилась у меня идея — пригласить тебя, Валерий, и её в альманах, который будет называться «ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ».

Это прекрасный повод возобновить наши творческие отношения. Так что, жду стихотворений, которые ты бы хотел опубликовать. И обязательно — свежее фото, и обязательно — с улыбкой, по которой тебя будут узнавать не только читатели новых, народившихся в XXI-м веке, поколений. Но и те, кто, как я, увидят — и вспомнят тебя — молодого, талантливого, мечтающего достичь тех вершин Парнаса, на которых ты сейчас находишься, доскачив на своём Пегасе к 65-летнему юбилею. И — скакать будешь дальше...

Счастливого тебе пути!

До встречи!

Николай ЕРЁМИН, г. Красноярск.

1. Предыстория.

1971 год. Я прошел творческий конкурс, и меня вызвали в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Литературный институт. В городе, где я жил, письмо с этим сообщением удивило многих: и партийных деятелей, и сотрудников газеты, с которыми воспевал созидательный труд советских людей на благо светлого будущего.

Первый секретарь райкома партии Александр Штунь позубоскалил:

— Ну шо, Галина, не хотела, чтобы он был судьей, так он будет писателем...

Галина Архипова, в те времена лектор, оказывала огромное влияние на первого. Когда пришла разнарядка на учебу в юридический институт, она мою кандидатуру, которую предложил райком комсомола, сразу отклонила: «Он не предсказуем и если станет судьей, нам всем будет несладко...»

Проницательная все-таки она была... Когда через два десятилетия, в 1990 году, при попустительстве судей меня пытались унизить, она (уже в ранге первого партийного лица района) делала вид, что ничего не происходит, и с ее молчаливого согласия травля автора этих строк со стороны товарищей от КПСС усилилась. Но об этом несколько позже.

Дорогой Николай! Так неожиданна эта встреча с тобой и чертовски приятна! Вернуться в молодость... Что может быть лучше?! Когда невозможное становится возможным...

Твое письмо навеяло воспоминания...

А тогда журналисты завидовали: «Останешься в Москве. Повезло тебе, брат...»

И я считал, что повезло. «Наконец увижу настоящих писателей», — думал я.

2. Тверской бульвар, 25.

Этот адрес известен не одному поколению писателей. На сравнительно небольшой территории приютились помещения ВЛК (Высшие литературные курсы, дающие писателям, кроме гуманитарного образования, диплом) и Литературный институт Союза писателей СССР им. М. Горького.

Небольшой ухоженный дворик с памятником Герцену перед входом.

Замедляю шаги. Что меня ожидает за раскрытой калиткой? Вижу: навстречу, слегка опираясь на точеную трость, неторопливо подплывает фигура седого человека в берете. Кто это? От напряжения на мгновение даже зажмурил глаза. К своему стыду, никак не могу вспомнить его лицо. Писатель или поэт? Какая разница. Лишь бы вспомнить... Тщетно. Фигура все ближе. Уже рядом. Заглядываю в глаза и... выпаливаю: «Здравствуйте!»

Человек хватается левой рукой за берет, громко охает и прыгает в кусты, за поста-

мент Герцену. Рядом раздается дружный смех. Я смотрю в сторону молодых ребят, которые, показывая пальцем то на меня, то на Герцена, выдавливают: «Это сторож... Он подумал, что ты хочешь пошутить над ним...»

— Подумаешь, — передергиваю плечами. — А что, с ним никто раньше не здоровался?

— Никто.

— Почему?

— Ну, он же сторож... Хах-ха-ха...

Слушатели ВЛК (а это были они) еще немного повеселились и скоро нашли иной объект для насмешек, забыв обо мне.

И я тоже, скользнув взглядом по их лицам, вскоре забыл о них. Да разве это были писатели? У надменного человека не бывает доброй души. Писатель, лишенный чувства сострадания, — мертвая ветвь в генеалогическом древе литературной семьи.

3. Новые знакомые.

В комнате общежития, куда поселили абитуриентов, нас было четверо: Григорий Кукарева из Элисты, Валерий Скрипко из Братска, Борис Ашижев из Нальчика и я из Славуты. Мы со Скрипко почти ровесники, самые молодые. Четверть века недавно разменял Григорий. Борис Ашижев этот рубеж перешагнул намного раньше. В свои тридцать шесть он выглядел подростком: щуплый, низенького роста, с быстро бегающими черными глазенками.

— Боря, а Боря, — приставали к нему, — на каком языке будешь писать сочинение? На кабардинском?

— Не знаю, — хмурился он. — На каком надо, на таком и напишу...

— Так ведь надо на русском писать.

— Ну и что?

— Как что? Например, слово «коридор» ты напишешь с одним «р» или с двумя?

Боря закатил глазенки и выдохнул:

— Два.

— Что два?

— Два «рэ».

— Почему?

— «Рэ» твердая... Надо писать так, как говорят: «коридор».

— Ну и здоров в грамматике, — ухмыльнулся Скрипко.

— Чего ты, — обиделся Боря. — Да, такой я здоровый. Я раньше был такой здоровый, такой здоровый, что меня по здоровью в армию не взяли.

Молодость не сочувствует зрелости, ибо у жизни не всегда хватало времени на ее воспитание.

Через месяц я с интересом наблюдал следующую картину. На кровати лежит Скрипко. Боря сидит рядом на стуле.

— Валера, ты еще молодой, не переживай. Опять приедешь...

— Боря... — вяло машет в ответ Скрипко. — Почему? Почему?

Пастух из далекой Кабардино-Балкарии Боря Ашижев успешно сдал все экзамены и был зачислен в семинар Роберта Рождественского. А Валера Скрипко, грамотный, начитанный мальчик, вперив свой взгляд в потрескавшийся потолок, безнадежно повторял: «Почему я не прошел? Почему?» Но это было потом.

Пока же каждого из нас впереди ожидало собеседование.

4. Собеседование.

Этого действия боялись все. Незнание чего-либо всегда порождает догадки и домыслы. Абитуриенты друг другу передавали всевозможные небылицы о собеседовании. «Выясняют твою творческую пригодность», «Допускают к экзаменам при наличии направления республиканского Союза Писателей», «Заставляют написать произведение на заданную тему в течение пяти минут», «Спрашивают о работах классиков марксизма-ленинизма»...

Каждый из абитуриентов проходил через собеседование. Настал и мой черед.

Я услышал свою фамилию и робко переступил порог кабинета.

— Добрый день, — сказал я.

— Добрый, — услышал в ответ. — Приезжайте.

Со всех сторон на меня смотрело множество глаз.

— Ничего, — поспешил я с ответом. — Я постою.

— Садитесь, садитесь...
Я осторожно опустился на краешек стула.

— Откуда вы приехали?
— С Украины.
— А родились где?
— На Урале.
— Татарин?
— Да.

Один из задававших вопросы, обратился к членам комиссии:

— С такими физическими данными он закончит институт. Нагрузки у нас не каждый выдерживает.

Кто-то спросил:

— Николай Николаевич, вы его к себе взяли?
— Да, — послышалось в ответ.
— Ну что ж, молодой человек, — обратились ко мне, — идите сдавать экзамены. Желаем успеха.

— Спасибо, — выдохнул я, — и выскочил в коридор, где ожидали своей очереди абитуриенты.

Не знаю, кто был более возбужден: они или я.

Их интересовали вопросы, которые мне задавали, а меня — что за люди находились в роли вершителей наших судеб.

— Чудак, — снисходительно ответил Миша Айвазян. — По твоим описаниям вопросы тебе задавали поэты Лев Озеров, Николай Сидоренко, декан факультета Таран-Зайченко...

— А Николай Николаевич...
— Так это и есть Сидоренко. Умница. Хороший поэт, лирик.

Москвич Миша знал, кажется, все обо всех. Он тоже поступал. Не прошел собеседование. Но позже я его уже увидел среди студентов института.

Так вот, Миша объяснял окружавшим его провинциалам:

— Тут, — он показал на дверь кабинета, в котором заседали члены комиссии, — поэты набирают абитуриентов в свои семинары. Вот его, — он показал на меня, — выбрал Сидоренко. Озеров набирает москвичей. Еще один семинар из иногородних набирает Рождественский.

Кто-то робко заметил:

— Еще экзамены надо сдать.

— Ребята, какие экзамены? — Миша стал говорить тише. — У кого «пятерка» по творчеству, тому экзамены не страшны. Против фамилий таких в экзаменационных списках стоят красные точки.

— Как это?

— А так. Все работы, которые мы присылали, проходили отбор в два этапа. На первом этапе на работах ставили плюсы и минусы. Рассматривались работы с плюсами, которые тоже оценивали по пятибалльной системе. На экзамены приехали те, у кого были «пятерки» и «четверки». Всего было чуть более шести тысяч работ. К экзаменам допускают 150 человек. А учиться будет наполовину меньше. Не верите? — переспросил Миша, разглядывая наши удивленные лица. — Встретимся после экзаменов.

5. Экзамены.

И мы встретились. Миша оказался прав. Но сначала были экзамены.

Из пяти дисциплин, по которым я сдавал экзамены (сочинение, русский язык и литература, история, иностранный), трудность для меня представляла последняя. Не столько потому, что я должен был получить не ниже «четверки», ибо в активе за первые четыре экзамена я набрал 16 баллов, а проходной, как нам сказали, — 20 баллов, сколько по иной причине: в школе никто всерьез не занимался английским, а в армии — и подавно.

И вот этот роковой день наступил.

На двери аудитории надпись: «Тихо. Идут экзамены». И чуть ниже: «Английский язык», «Немецкий язык», «Французский язык».

Наблюдаю со стороны. Абитуриенты разделились на группы. В каждой звучит иностранная речь. О чем? Наверное, они понимают друг друга. Ловлю себя на мысли: а почему, собственно, я решил сдавать экзамены по английскому языку? А может, по французскому или немецкому? Мне ведь все равно. Вон кудрявый паренек, Андрей, сын композитора Никиты Богословского, свободно изъясняется на нескольких языках. Он-то сдаст...

Потоптался я еще немного возле дверей и... открыл их. Женщина, сидевшая за первым столом, что-то сказала мне на английском. Я подошел и буркнул: «Здравствуйте». Она внимательно посмотрела на меня и взглядом показала на билеты, лежащие перед ней. Взял один и пошел готовиться.

Не знаю, сколько прошло времени, наверное, много. Я перевел со словарем большой отрывок текста, который прилагался к билету. Пытался разобраться во втором вопросе. Но там речь шла об устойчивых словосочетаниях, формах неправильных глаголов и словообразовательных суффиксах. И я оставил эту затею.

Еще раз позавидовал Андрею. Он зашел вслед за мной и, переходя от стола к столу принимающих экзамены, вел себя непринужденно и галантно.

— Good afternoon! Un bon jour! Guten Tag! (Добрый день!) — Обратился он к преподавателям на английском, французском и немецком языках.

Проходя мимо «англичанки», обронил: «From your permission I shall pass to your neighbor» («С вашего позволения, я перейду к вашему соседу»)

И перешел к немцу:

— Falls Sie zulassen werden, werde ich ohne Vorbereitung antworten. (Если позволите, я буду отвечать без подготовки).

Он так быстро вышел, что я не заметил, как он отвечал.

Все меньше оставалось сдающих экзамен. «Англичанка» уже несколько раз посматривала в мою сторону. Вздохнув, я обречено направился к ней. Очень бодро прочитал первое предложение. И вдруг услышал: «Достаточно!» «Надо же, — думаю. — Неужели «пятерка»? А она невозмутимо продолжает: «Что вам поставить: «два» или «три»? Сколько лет после школы?» «Семь», — пробормотал я упавшим голосом. «Тогда понятно».

«Англичанка» взяла мой экзаменационный лист, прочитала фамилию, поискала ее в своем списке и, вздохнув, сказала:

— «Тройки» вам хватит.

— Thank you (Спасибо), — только и смог я выдавить из себя.

.....

Мы стали студентами! А потом — писателями и поэтами. Спасибо нашему институту и его замечательным педагогам!

Спасибо судьбе за добрые встречи!

P. S. А недавно я узнал, что и Валера Скрипко, с которым мы жили в одной комнате общежития Литинститута, будучи абитуриентами, не расстался со своей мечтой — много лет занимался литературной деятельностью в своем родном Братске. Только вот сейчас, кажется, Николай, он стал твоим земляком. По-моему, его следы я обнаружил в городе Минусинске Красноярского края. Надеюсь, мы все еще встретимся!

Валерий Басыров,
г. Симферополь, Крым.

Фотофильмы «История жизни Валерия Басырова» по книге О. Прилуцкой «Не повернется время вспять...» смотрите на аудиодиске в приложении.

2010 г. Альма-матер...

Редакция журнала «Доля» делает подарок юбиляру Валерию Басырову, его институтскому однокашнику Николаю Ерёмину и нашим читателям — короткий рассказ о любимых преподавателях Литературного института им А. М. Горького и их стихи.

Александр Коваленков (1911–1971)

В 1947, в год, когда родился Валерий Басыров, появилась песня, которую, наверное, хорошо помнят люди старшего поколения:

*Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты,
А долгою степною
Шли с войны домой советские солдаты.*

*От жары, от злого зноя
Гимнастерки на плечах повыгорали;
Свое знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли.
Они жизни не щадили,
Защищая отчий край — страну родную;
Одолели, победили
Всех врагов в боях за Родину святую.*

*Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты,
А долгою степною
Шли с войны домой советские солдаты.*

Музыка известного композитора Матвея Блантера. Слова поэта, имя которого совре-

менниками практически забыто. Просто песни на его стихи считаются народными.

Александр Александрович Коваленков. Этот тонкий лирик, эрудит, мужественный человек с душой романтика и мечтателя — один из любимейших институтских учителей Валерия Магафуровича Басырова, преподавал теорию русского стихосложения.

С первых дней начала Великой Отечественной Войны поэт Коваленков ушел на фронт. Испытал все его тяготы, был серьезно ранен. Но до конца своих дней сохранил по-детски чистую душу.

Есть одна особенность, сближающая учителя Коваленкова и его ученика Басырова, — любовь к природе, а через нее — к фотографии. Они оба не просто с удовольствием созерцают живое, они изучают его, наблюдая за ним, получая эстетическое наслаждение от этого. Вряд ли думал Александр Александрович Коваленков, что его увлечение — фотосъемка деталей земного мира — через много лет станет одним из любимейших занятий поэта, фотохудожника, влюбленного в макросъёмку, Валерия Басырова.

Умение восхищаться и любить — вот то, что помимо основ стихосложения передал своим ученикам Александр Александрович Коваленков.

РОМАНС

Дальний переулок, клёны, ивы...
Струн цыганских звёздная страда...
Прежние, знакомые мотивы,
Чудится — тебя я ждал тогда.

Чудится... а в чём же это чудо,—
Сорок лет ушло
в заоблачье
с тех пор
Проросла воспоминаний груда,
Был костёр и улетел в простор.

Впрочем, та цыганская страница
Объяснений требует иных;
Слишком много грезится и снится
В умных излученьях глаз твоих.

Прячешься... Ну что ж, такое дело,
Смотришь, где я подведу итог.
Ну, а мне любовь не надоела,
Каждый день влюблялся б, если б мог.

Поздний час, а может, час рассвета...
И не будет старости, пока
Думаю, что ты горюешь где-то,
Так близка и,— чёрт,— так далека!

Николай Сидоренко (1905–1980)

Поступив в 1971 году в Литературный институт им. А. М. Горького, Валерий Басыров сразу попал в творческий семинар, которым руководил поэт Николай Николаевич Сидоренко. Сидоренко не был знаменитым поэтом. О себе и своем творчестве он говорил так: «Я не популярен, но у меня

* * *

Анне Андреевне Ахматовой

Постепенно отходит ненастье
От безбрежья небес и воды.
На песчаном, невысохшем насте
Снова узкие тают следы.

Это Муза в сиротстве бродила,
Вспоминала свое ремесло.
Реют по ветру сосен ветрила,
Все цветочной пыльцой занесло.

есть свой читатель». В Литературном институте он вел семинары с пятидесятых годов прошлого столетия. У него учился известный поэт Николай Рубцов, которого преподаватель поддерживал, как мог. Валерий Басыров считает Николая Сидоренко прекрасным, самобытным поэтом.

Все живое, родное по крови,
Утверждается заново тут.
По-хозяйски скворцы в Комарове
В деревянных домишках живут.

Я грущу о несбыточном чуде
И впадаю на миг в забытье...
Как прекрасно, что смертные люди
Детски верят в бессмертье свое.

Вечной свежестью веет в аллее.
Тихий вечер затеплил звезду.
И звучат, как в старинном лицее,
Ямбы строгие в Вашем саду.

<1966>

Владимир Цыбин (1932–2001)

Цыбин Владимир Дмитриевич — поэт, прозаик, переводчик, эссеист. По словам Владимира Дмитриевича, «...еще в третьем классе, начал ни с того ни с сего писать стихи. А пораженный Гоголем — первой книгой, которую помню с детских лет, — рассказы. С тех пор я книги люблю не столько те, что копят факты, а те, что хранят идеи...» В жизни ему довелось работать поливальщиком, забойщиком, хаживал в экспедиции с геологическими партиями. В 1958 году окончил литературный институт им. А. М. Горького, в котором впоследствии преподавал долгие годы.

Цыбин — один из ярких представителей молодой русской поэзии времен хрущевской «оттепели». На виду у всех тогда из этой плеяды были Евгений Евтушенко, Ан-

дрей Вознесенский, Роберт Рождественский и другие, условно говоря, «городские» поэты. Владимир Цыбин представлял менее известную, крестьянскую линию, к тому же, связанную не с традициями реалистического психологизма Александра Твардовского, а с романтико-метафорическими традициями Сергея Есенина, Павла Васильева, Бориса Корнилова. По определению самого поэта: «Русская поэзия — не только призвание, но и предназначение: поэзия — музыка и философия времени».

Проза Владимира Дмитриевича Цыбина вырастает из его поэзии — в ней та же сельская тематика и проблематика, что и в его стихах и поэмах, только в прозе меньше открытого и напряженного лиризма. Интересны его очерки о русских поэтах XIX и XX столетий, а также о своих современниках. Цыбин одним из первых обратился к изучению литературы Русского зарубежья, к постижению философии Н. А. Бердяева.

Значительное место в творческом насле-

дии Владимира Дмитриевича Цыбина занимают его поэтические переводы, главным образом поэтов братских народов СССР и поэтов из социалистических стран. Перево-

дил он также стихи Рудаки, Гете и Рильке.

У этого Мастера учились Валерий Басыров и Николай Ерёмин в Литературном институте им. А. М. Горького.

ГОДЫ

Я остановился перед своею памятью,
молча остановился, как перед папертью,
и, всматриваясь в нее, где я жил давно,
еще отходчивый на добро,
где я жил в дали невнятной,
еще незнаемый, за триста земель...
Как будто попал я на карусель —
и все раскручивается обратно!..
Моя карусель догоняет годы,
и я увидел: идут пешеходы,
тридцать один, один за одним.
— Обождите, — кричу я им, —
я ведь — вы, тридцать второй... —
Но молча скрылись они за горой.
(А карусель несется по кругу
с тиши на тишину, с выюги на выюгу,
несет с валунов на валуны,
с беды на беду, на вину от вины!)
И годы я догоняю опять:
— Куда вы идете?
— Тебя догонять!
— А что вы несете в мешках за спиной?.. —
Но молча скрылись они за горой.
(А карусель летит все быстрей,
кружит лошадок и снегирей,
а карусель несется назад,
мимо земли, где братья лежат,

мимо сполохов, мимо звезд,
мимо маминых, горлом, слез,
мимо дней и лун... И, звеня,
кружит, кружит, кружит меня!)

Стой, карусель, стой, память моя!..
Но снова явственно вижу я —
идут мои годы в пустынных песках,
уносят сыпучий песок на плечах.
От ночи до ночи, от дня и до дня,
тридцать два молчаливых меня.
— Ребята, примите меня! — я кричу.
Вот так я за ними кружу и кружу.
А карусель все круглей и круглей,
и тридцать два человека на ней,
а карусель несется сама —
память моя и моя земля.
(На этой земле мне не лень и не сесть,
и нет остановки круженью, чтоб слезеть.)
И нет остановки, и все на краю:
я вслушиваюсь в нежность свою,
и я смотрю из тридцать второй тиши
и осматриваю: болеешь, скажи?
И она отвечает начистоту:
— Это я, твоя нежность, расту
и становлюсь все нежней и нежней... —
А память кружится, и над ней
солнце, медленное, сырое.
...И кружится во мне
сердце тридцать второе.

Лев Озеров (1914–1996)

Лев Адольфович Озеров — из плеяды советских поэтов, первых выпускников знаменитого МИФЛИ (Московского Института философии, литературы и истории). Он учился с известными впоследствии поэтами А. Твардовским, Н. Майоровым, П. Коганом, М. Кульчицким, С. Гудзенко, Б. Слуцким, Д. Самойловым, С. Наровчатовым, А. Межировым, переводчицей Лилианной Лунгиной. В 1941 году окончил аспирантуру это-

го института и защитил диссертацию. Во время Великой Отечественной войны был военным журналистом. Лев Озеров — доктор филологических наук, профессор кафедры художественного перевода Литературного института им. А. М. Горького, в котором работал с 1943 года до последних дней своей жизни. Михаил Светлов сказал о нем так: «Поэтический голос Льва Озерова мне всегда нравился. Это был тихий голос хорошего человека». А Яков Хелемский: «Многие поэтические высказывания Озерова вошли в наш речевой обиход, стали общим достоянием, превратились в поговорки». Не все знают, что одно из любимых в народном упо-

треблении выражение «Талантам надо помогать, бездарности пробоятся сами» принадлежит Льву Адольфовичу Озерову. Он всю жизнь придерживался этой заповеди, им самим провозглашенной однажды.

Прекрасный поэт, автор многих замечательных

переводов с украинского, литовского и еврейского языков, Лев Озеров в 1976 году стал рецензентом дипломной работы Валерия Басырова. Он дал высокую оценку его переводу с новогреческого языка «Персефона» Янниса Рицоса.

* * *

Было тихо и тепло в избе, —
Нет избы. Котенок на трубе, —
Нет трубы. Испепеленный пень, —
Нету пня. Осиротелый день.
Кованый сундук молчал в углу, —
Нету. Ветер разметал золу.
Глянцевитый черепок в песке.
Больно мне. Но нет тоски в строке.

Есть строка, которая сильна
Тем, что сердцем сказана она.
Нечего стыдиться честных слез!
Пусть слезу оледенит мороз,
Чтоб она, упавшая из глаз,
Стала резкой, острой, как алмаз.
Но алмазу долго надо ждать,
Чтоб таким, как сердце, твердым стать.

1942

Валерий Басыров

* * *

Среди проповедников — лишний.
Но если я болью обижен,
прошу у того, кто мне ближе:
прости прегрешенья, Всевышний.

Прошу обувечных душою,
смывая обиды прозреньем, —
и вижу с порога забвенья,
что было и будет со мною.

Прозреньем обиды смывая,
исколот до крови терпеньем,
и вижу с порога забвенья
дорогу, ведущую к Раю.

Я вижу с порога забвенья
дорогу, ведущую к Аду, —
как трудно укрыться от взглядов:
исколот до крови терпеньем.

И если я вдруг стану лишним,
на гречной земле гречный житель, —
прости, если сможешь, Спаситель,
спаси мою душу, Всевышний.

ПРОЗРЕНИЕ

Не верю я в необъяснимость чуда —
благословляю миг прозренья:
К презрению пришел Иуда,
Иисус прошел через презренье.

* * *

Над пустынным Бенгальским заливом,
когда властвует взбалмошный зной,
в каждой песне, рожденной волной,
я знакомые слышу мотивы.

Отчего же мне здесь сиротливо
и так просится сердце домой,
где, обласканным добром судьбой,
нелегко быть, однако, счастливым?

Не хочу я себя утешать:
будет долго душа изнывать
до последнего хмурого срока.

И пугают, и манят меня
равнодушное марево дня
и протяжная песня Востока.

26 сентября (8 октября) — 120 лет со дня рождения Марины Цветаевой

О мемуарах Анастасии Цветаевой и причинах гибели в Елабуге Марине Цветаевой

**Станислав АЙДИНЯН, научный сотрудник
Литературно-художественного музея
Марине и Анастасии Цветаевых в Александрове, литературный редактор и секретарь А. И. Цветаевой в 1984-1993 годах.**

«Воспоминания» Анастасии Ивановны Цветаевой — явление уникальное. Именно эта книга сделала ее классиком мемуарного жанра русской литературы. Друзья-современники ясно осознавали достоинства пера младшей Цветаевой. Борис Пастернак писал ей, прочтя еще неопубликованные страницы, напечатанные на тонкой папиресной бумаге: «Ася, душечка, браво, браво! Только что получил и прочел продолжение, читал и плакал. Каким языком сердца все это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней! Как бы высоко я Вас ни ставил, как бы ни любил, я совсем не ждал дальние такой сжатости и силы... Ваш слог обладает властью претворения — я забываю, что этих матерей и комнат, и девочек уже нет, они заново повторяют свой обреченный выход, заново живут и заново уходят и нет слез достаточных, чтобы оплакать их исчезновение и конец» (из письма 22 сентября 1958 г.). Поэт Павел Антокольский в рецензии в «Новом мире» назвал книгу «прозой, насыщенной электричеством памяти».

А. Цветаева создала не только звездную карту современной ей и ее сестре поэтической Вселенной. Ей более органична роль летописца семьи и эпохи, роль художника, живописующего и природу, и тонкие оттенки чувств. Она сама говорила, что поэма ее сестры «Молодец» написана «пылью растертых слов». То же самое можно сказать и о ее «Воспоминаниях». Особенно при скромном чте-

нии кажется, что слова исчезают, и та утренняя реальность вновь обретает права на жизнь.

Как в поэзии ранней Марины Цветаевой существует (в первых двух ее книгах) лирическое «мы», так порой бывает и у Анастасии Цветаевой в «Воспоминаниях» о тех временах, когда сестры жили, дышали, чувствовали и «сочувствовали» вместе. Но в основном речь идет от первого лица. Это естественная, главная «отправная точка отсчета» будущих мемуаров, начинавшихся уже в детстве в виде дневника...

Мать сестер, Мария Александровна Цветаева, о которой так тосковали обе ее дочери, видела удивительные сны, например, о том, как будто бы в их с отцом доме умирает у них на глазах Гете. В свой дневник она вписывала восхищенные строки о поэзии С. Надсона. В наиболее полный вариант «Воспоминаний» включены таинственные случаи, говорящие о неизвестных ранее, необыкновенных качествах, присущих Марии Александровне...

Многие обратят внимание на них. Возможно, они передались по наследству ее дочерям, в душах которых гармония слияния с природой и миром преобразовалась в поэтическое и прозаическое творчество. Не тут ли кроется исток сокровенного строя их душ?.. Это фрагменты, говорящие об удивительной разомкнутости в универсум, особой чувствительности и сверхчувствительности

души Марии Александровны. Прислушаемся же к этим дружески рассказанным стро-кам: «Однажды с нею случилось удивитель-ное: прия оттуда посла спектакля, она уви-дела, что на ней нет ее любимой золотой бро-ши с рельефом женщины у рояля. Расстро-ившись, так как это был дедушкин подарок — мама, поискав с дворником, несшим фо-нарь, потерю по Трехпрудному переулку, легла огорченной, увидела сон: Камергерс-кий переулок, утро, первый снежок. Она идет по левому тротуару; перед ней — горбик сне-га, возле него — желтое.

— «Брошь? — думает мама. — Нет, не может быть, среди белого дня! Это — осен-ний листок». Она подошла ближе, нагнулась, подняла — брошь. Подняла — и проснулась.

«Я пойду искать мою брошку!» — сказа-ла она. Хоть и убеждали ее, что тщетно, по-здно, сто раз успели поднять — она пошла.

— «Одно верно, — сказал ей кто-то вслед, — сегодня первый снег!»

Она вернулась — с брошью, потрясен-ная. Янь окказалась точной копией сна: ле-вый тротуар, горбик снега, и — желтое. «Ну, теперь уж, наверняка, желтый лист!» — ска-зала она себе с горечью. Подошла — на тро-туаре, в одиннадцатом часу утра, лежала ее золотая, довольно крупная, круглая брошь.

В эту зиму исполнилась мамина мечта: она давно хотела играть на гитаре. Гитара была куплена, но не было учителя. Она, вер-но, много думала об этом, потому что уви-дела сон, что идет по пустынной улице, вхо-дит в высокий дом, поднимается по лестни-це в верхний этаж и читает на металличес-кой дощечке: Учитель игры на гитаре — Шульман. Позвонила. К ней вышел стариик с седой бородкой. Она проснулась. Наяву она погоревала, что это был только сон — и забыла. Прошло порядочно времени. Нам взя-ли приходящую учительницу немецкого язы-ка, томную даму в синем. Ее фамилия была Шульман. В разговоре с мамой она упомя-нула о муже, с которым жила врозь. «Мой муж — учитель музыки, — сказала она, — он дает уроки игры на гитаре и других струн-ных инструментах». — «Как адрес Вашего супруга? — спросила мама в тревоге. — Моя давняя мечта — игра на гитаре».

Все случилось — как с брошью: он жил

в той же пустынной улочке, в том же высо-ком доме, на двери его квартиры в верхнем этаже была металлическая дощечка с при-снившейся маме фамилией. Маме — она еле могла заговорить от волнения — отпер тот самый стариик с седой бородкой, и мама выу-чились у него играть на гитаре.

Ее рассказ о сне все в доме помнили. Янь повторила сон в точности, лишь подарив маме название улочки и номер дома, не быв-шие во сне. Что это было? То, что зовут иные «медиумичность»?» (...)

«Мама рассказала нам, как в Нерви с ней не раз бывало странное явление: забыв с вечера завести свои черные часики, она ночью, не зажигая света, переводила стрел-ки, и рука ее вдруг останавливалась. Наут-ро, проверяя часы, она видела, что они были безошибочно поставлены в темноте, — ми-нута в минуту... Этот рассказ, как и воспо-минание о тех двух московских снах, исполн-ившихся, — об утерянной и найденной брошке и об учителе игры на гитаре, заин-тересовали приехавшего в Нерви стариика-спирита, отца писателя Мережковского».

Недаром Анастасия Ивановна говорила, что ее чувство слова, как и музыкальность, унаследованы от матери, чьи дневники сест-ры, получив от отца, разделили между со-бой. Однако она имела в виду не столько письменный стиль, сколько устный — блес-тящую вдохновенную речь, полную слож-ных, прихотливых периодов...

Тем не менее, нельзя утверждать, что литературная одаренность Марины, Анастасии да и хороший слог старшей их сестры Валерии и брата Андрея вовсе не от отца. Сохранилось немало писем И. В. Цветаева, написанных легким, образным, эмоциональ-ным и, подчас, остроумным пером. Вот пи-шет он в свой день рождения 4 мая 1899 г. письмо к профессору И. В. Помяловскому: «Раннее утро. День солнечный, на небе ни облачка, в воздухе тепло и соседних с моим окном тополей благоуханье, а в высих слы-шится птиц легкокрылых щебетанье»... И ниже: «Подождал, походил по двору, обозре-вая молодые топольки, и почтительно и радостно мне кивавшие своими зелеными листочками. Такие милые». Чувство Природы...

Не с него ли начинается в душе взволнованность вдохновения?.. Не от этого ли истока сама *сила творчества?*..

Недалеки от истины и те, кто говорил, что А. Цветаева отдавала дань отражению «потока сознания», но в ее прозе есть и черты, свойственные литературе времен символизма. Во времена молодости среди друзей сестер Цветаевых (у Эллиса, М. Волошина) доминировала концепция символизма как жизнестроительного течения. Жизнь для сестер была «первичней» литературы. «Днем я жила, а ночами писала, сжигая себя» — говорила Анастасия Ивановна. По сути, сестры в юностивольно и невольно искали друга, человека и находили его... на какое-то время. Потом наступали изменения в жизни, человек менялся или погибал, происходили войны, сломы эпох, революции, а душа все ждала новых надмирных встреч, новой любви.

Особенно это было свойственно Марине Ивановне, которая писала 25 января 1925 года О. Колбасиной-Черновой: «Кроме того, не умею на людях, мне нужны не люди, а человек — один — упор — хотя бы одного вечера» (МЦС т. 6, с. 712).

Вспоминая В. В. Розанова, Анастасия Ивановна говорила, что он был не оратором, как Бердяев, а человеком «интимного собеседования»... И тоже, как и она, был жаден до сердечного контакта.

Когда читаешь наиболее полный вариант «Воспоминаний», понимаешь, что А. Цветаева, как никто, воплотила эту жажду — жажду любви, столь печально и высоко свою-ственную человечеству. Оттого с ее страниц часто слышна *страдающая искренность*. Она отразила трагическую утвержденность неподдельного любовного чувства. Так было у нее с Б. Трухачевым, Н. Мироновым, с М. Минцем, много раньше — с В. Нилендером. «Я обманываю и Сережу, и Толю, и всех, кто придет, тем, что не могу остановить свое очарование, к ним идущее, и не могу не чувствовать их так, как если бы каждый из них был мне единственен. Каждому я хочу добра и каждому несу страданье. Вот в чем моя вина...» — писала она.

«Воспоминания» писались и в Москве, и

в Павлодаре, где жила семья сына Андрея Борисовича Трухачева. Писатель Ольга Григорьева из Павлодара создала книгу- очерк «Зовут ее Ася...» (2006) с подзаголовком «Фрагменты жизни Анастасии Цветаевой». Ее можно прочесть в Интернете. Приведем опубликованные там свидетельства о том, как писала Анастасия Ивановна: «О напряженном писательском труде А. И. Цветаевой вспоминают и павлодарские одноклассницы Риты (внучки А. И. Цветаевой, ред.) — Лидия Сотник и Татьяна Кокорева: «Когда мы ни пришли к Рите, бабушка всегда работала — писала, писала, писала... Везде лежали рукописи. Иногда она устраивала себе перерыв на 15 минут и говорила, чтобы в доме была тишина. Мы ходили на цыпочках... Отдыхала она ровно 15 минут, а потом снова работала».

В 1966–1967 годах, когда первоначальный текст «Воспоминаний» был написан и перепечатан на машинке, профессиональный редактор Иосиф Филиппович Куний, работавший в свое время в издательстве «Земля и Фабрика», дружески стал помогать его править. Об этом свидетельствует сохранившаяся благодарная дарственная надпись на машинописи, адресованная Иосифу Филипповичу и Розе Марковне, его жене.

Фрагменты, посвященные детству, юности и поездке к М. Горькому под названием «Из прошлого» опубликовал «Новый мир» в 1966 году (№ 1, 2). Принес их в журнал известный литературовед, специалист по литературе серебряного века, Е. Б. Тагер, добрый знакомый Марины, а потом и Анастасии Цветаевых. «Новый мир» в те годы по праву считался ведущим толстым журналом страны и на фоне обширного мелкотравья тогдашней советской литературы даже фрагменты столь живой, искренней, теплой и, одновременно, тонко импрессионистической прозы вызвали множество восторженных откликов.

Анастасия Цветаева, писатель-импрессионист, чья проза по природе своей поэтична. В ней оживленность сердечности... Прочно увиденное, прочно запомненное удивительно музикально передано во всей высоте лиризма и необыкновенности. Вот что родит ее прозу с прозой сестры Марины, дела-

ет её с большой буквы цветаевской. Перо писательницы совершенно свободно в лучшем, самом светлом смысле слова. Это та высокая свобода самовыражения, которая несёт полноту пережитых мыслей и оттенков чувства — огромное богатство необозримой вчувствованности в природу, в душу характера, в образы времени.

В издательстве «Советский писатель» на «Воспоминания» были заказаны «внутренние» рецензии. Наиболее показательна для того времени рецензия советского критика Николая Семеновича Гуса, который выделил три основных подхода А. Цветаевой к прозаическому отражению прошлого: по первому подходу «Автор переносится в прошлое, и мы видим его глазами *тогдашних* Аси и Марин». Соответственно второму подходу, «...автор воспоминаний показывает нам то, что было, но с точки зрения сегодняшней своей, ретроспективно». И далее критик заподозрил мемуариста в желании «влить новое вино в старые меха»: «Однако, наряду с этими двумя методами воспоминания, — пишет Н. Гус — широко использован — чаще, чем два упомянутых способа — третий, так сказать, смешанный прием. Рассказ как будто ведется непосредственно, как склок с того, что было, как оно было тогда, но в то же время мыслит, чувствует, говорит мемуаристка (подросток, девушка) так, как она не могла тогда, так, как подсказывает теперь весь опыт ее жизни». «Неужто же именно так чувствовали и думали эти девочки тогда?!» — недоумевает в 1967 году М. Гус. Ему было непонятно, что сестры могли иметь столь раннее развитие души. Анастасия Ивановна со своей стороны убежденно настаивала на том, что она именно так тогда чувствовала... Ей была присуща «вневозрастная зрелость». И ранняя взросłość...

Анастасия Ивановна лирически писала: «Я лукавлю. Я спрягаю прошедшее время, подделываясь под явь дней. Но тот день не прошел — разве он мог пройти? То четырнадцатилетие, прислушивающееся к своему круглому, как рай, счастью — потому и не могло быть в тот час до дна вглотнуто, что оно не имеет дна. Потому оно так и томило — бездонность (и дожило нерушимо в памяти до почти 70-ти лет), что даже и в 14 лет

сердце не могло справиться с ним. Река — течет, жизнь — прошла. Но тот час — нерушимо — и кругло — вечен, у него нет имперфекта. У латыни вечность только одно время, оно — *Semper Idem!* — Вечно тот же!»

Непонимание той, досоветской, психологии молодежи начала века М. Гус особенно проявляет, когда речь идет об эпизоде, где юная А. Цветаева читает другу-юноше страницы дневника: «Придуманностью отдает и рассказ о взаимоотношениях с Левой Сикстелем — юношей, примерно одного возраста с автором мемуаров. Тут возникла дружба-любовь, столь типичная для той поры юности. Но в эти отношения ворвалась одна странность. Ася стала читать Леве свои дневники, свои интимные записи — «о своем оттолкновении от всеми принятых форм сексуальной любви, о том, что «этот вопрос заставит меня уйти из жизни — не переступив этот порог — и о том, как я не могу жить без любви, о Нейлендере, и о всех тенях моей юности, о страстиах к стихам, о Марине...». Лева слушал, «вместе со мной летя в глубины девического и человеческого отчаяния, в Маринино и мое двойное одиночество». Может быть, и даже наверняка так и было: девушка читала юноше, который любил ее, интимнейшее признание самой себе в дневнике. Но, согласитесь, это очень необычно и странно. И если тут нет придуманности, в смысле неточной передачи факта, то есть придуманность более сложная, более изощренная: девушка выдумывает оригинальное, «не как у всех», поведение, следуя, скорее не осознанно, тем урокам необычного, сверхжизненного, какие преподавались Эллисом. И что дело обстояло так, говорит финал этой истории: Ася отвергла Льва и его любовь... отвергла, потому что у нее любви и не было, а были «модные», нарочно запутанные, туманные, загадочные поступки». Анастасия Ивановна никогда и не говорила, и не писала о том, что у нее к Л. Сикстелю было глубокое чувство. Было лишь влечение, совершенно естественное в ранней молодости. А поведение сестер Цветаевых при всей возможной резкости, при максимализме, при темпераментных юных эскападах, было все же, по большому счету, при всей оригинальности, естественным для своего времени. Это в

наши дни мало кто ведет дневники и еще меньше людей их читают друзьям. Советскому человеку было непонятно, как это люди до революции писали письма друг другу, живя в комнатах одного и того же дома. Подобные «пережитки дворянской культуры» не могли быть поощряемы во времена, когда ценность произведения определялась не столько его художественностью, сколько тем, как оно классово обусловлено, «прогрессивно», насколько «идейно» отражает социальные движения в обществе...

Пусть мемуаристкой не выдержан, не проведен «последовательно» какой-либо один метод. Зато достигнута зримость, текст увлекателен и уводит за собой читателя, которому не хочется оторваться от взятой в руки книги. Но это только в том случае, если человек сердчен по своей собственной природе, ибо эта книга по природе своей сердчна. В искусстве, в литературе, человек, как правило, ищет то, что ему уже дорого, что составляет память его собственного сердца, что ложится на кантилену ассоциаций его пережитого опыта...

«Оправдана ли такая детализация мемуаров?» — риторически вопрошают Гус. Ответом ему видится давнее мнение поэта Владислава Ходасевича, старого знакомого А. Цветевой по Коктебелю: «Из мемуаристов наилучший тот, который, не мудрствуя лукаво, дает *наибольшие сведения о наибольшем количестве фактов*. Общеизвестно, что иногда *незначительная подробность или случайно упомянутая дата* оказываются при исторической обработке наиболее ценными и важными из всего мемуарного состава». Ходасевич сказал это, рецензируя книгу воспоминаний З. Гиппиус «Живые лица» («Современные записки», 1925 кн. XXV, с. 537). Это еще более верно в отношении семьи Цветаевых, о которой создана целая библиотека книг и статей. А сколько действующих и посещаемых музеев хранят память об этой семье! Любая подробность не только ценна сама по себе — она открывает возможность новых линий исследования для цветаеведения. Научные конференции, посвященные «быту и бытию» семьи Цветаевых проводятся ежегодно и в музеях, и в высших учебных заведениях не только нашей страны.

Анастасия Ивановна годы спустя рассказывала, что у нее имя этого советского критика Михаила Семеновича Гуса ассоциировалось с сокращенным названием Государственного Ученого Совета. Она понимала, что книга не настолько советская, чтобы иметь положительные отзывы. Однако, когда она все-таки в 1971 году вышла, Гус, (тот самый, что громил в «Правле» В. Войновича), с надеждой, жалобно спрашивал своих коллег по издательству: «Как вы думаете, она мне надпишет книгу?» Он не мог, как опытный литератор, не чувствовать обаяния и силы цветаевского текста, но «бдительность», хорошо усвоенная за советские годы, не позволяла открыто такие книги поощрять... Второй рецензент, еще более известный литературовед А. Запалов, все же заключил свой отзыв словами: «Но выпустить эту работу следует». Однако и он говорил лишь о неполном издании книги.

«Воспоминания» охватом переросли поставленную первоначально цель. От Анастасии Ивановны ждали книги о сестре. Получилась семейная хроника. Конечно, хроника не может касаться только личности Марины Цветаевой, классика поэзии Серебряного века, хотя первоначально было желание создать такой прозаический памятник. Как памятник Леонардо да Винчи в Милане окружен статуями учеников, а в Петербурге статуя Екатерины Великой окружена фигурами ее фаворитов, так не осталась одинока и Марина Ивановна, впрочем, изображенная в окружении живых людей, а не немых статуй.

Об этом и написала Ариадна Сергеевна в письме к Анастасии Ивановне 8 апреля 1959 года, еще до всех осуществленных и неосуществленных публикаций: «...Вы пишете, что разослали свои мемуары разным людям, чтобы сравнить их впечатления (относительно образа мамы) с моими. Милая Асенька, в этом деле мое мнение остается неподвластным впечатлениям каких бы то ни было читателей — пусть даже почитателей. Я считаю, что одних слов Вашей матери о том, что Муся с 4-х лет подбирает рифмы мало, чтобы показать поэтическое своеобразие в ребенке, в этом ребенке. «Поэтическое», конечно, не то слово. Своеобразие потом вы-

лилось в поэзию, но своеобразие должно было быть. Если мамино детское своеобразие заключалось только в драках с Андреем и притеснении Вас, и в постоянном прибегании к протекции Валерии против матери, — то откуда же впоследствии взялась поэзия? Только из этого? Тогда все советские дети были бы поэтами! Вы были слишком малы сами в тот период, чтобы многое понимать и анализировать, скажем, родителей? Почему же тогда в описании Мариной писать иным способом — с точки зрения 5–7 летнего ребенка? Тогда и родителей надо давать так, как их воспринимал детский взгляд и ум. Вот в письме Вы говорите, что Маринина дерзость и грубоść скрывали большую душевную ранимость, но в воспоминаниях этого нет, есть только факты грубости необъясненные и необъяснимые. Впрочем, все это относится опять-таки к «воспоминаниям о Марине», а не к «мемуарам», более объемным вообще и менее пристальным к ней, в частности.

Вы говорите о том, что Пастернак плакал над «матерями и девочками»? Но не забудьте, что он никогда не переслал мне отрывок, над которым плакал, — и не для того, чтобы, скажем, сохранить себе на память, а просто, как все на свете, мамы касающиеся, как-то упустил из рук. В этом — вся его «любовь» к маме! Масса эмоций, и никакого, пусть минимального, действия...

Моя память хранит ее великий дар, ее великое благородство, гордыню, гордое одиночество, ее великую любовь к нам, детям, и к нашему отцу, героическую борьбу с бытом и бедностью, широту и глубину ее страсти — увлечений людьми, природой, явлениями, и при всем многообразии — отсутствие хаотичности, расплесканности — стройность душевного строя! Мужскую организованность в работе! вплоть до порядка в дне, в рукописях, на рабочем столе! Да разве все перечислишь... Мне ли копаться — да и вам ли? в промахах, в расхождениях с моралью сгубившего ее, с позволения сказать, «общества»? И я убеждена, что права именно моя память, забывшая плохое, ибо оно так мало, так мелко, что, как труха,

развеялось на ветру времен и событий. «Всякое лыко в строку» по отношению к ней — я так не могу».

В своих текстах о матери А. Эфрон создавала очень живой, но одновременно «правильный» с ее точки зрения образ матери.

Однако скажем справедливости ради, что несколько ранее, 11 сентября 1958 года А. С. Эфрон высказывала в письме свое первое, весьма положительное впечатление: «Дорогая Асенька, получила еще воспоминания, начинается с родителей, отчасти с предыстории маминой и Вашей. Как это должно идти — так, как Вы мне посылаете, подряд, или то, что Вы прислали, теперь является началом, а то, что посылали раньше — продолжением? Страницы с Поленовым, о которых спрашиваете, получила. Спасибо Вам, Вы делаете то, что Вам одной дано, делаете за всех ушедших, возвращаете им голос, зрение, жизнь. А без Вас это все — эти все — канули бы в бездонное, безвозвратное. Вы делаете великое, чудесное дело — в таких тяжелых условиях, в такой враждебности дней! Да и в людской враждебности. Все так называемое «новое» так органически враждебно так называемому «старому» — пока само не превратится в «старое». А в наши дни это зачастую принимает такие уродливо- и угодливо-варварские формы! Т. е. это постоянное, научно обоснованное попрание корней и истоков сегодняшних и завтрашних дней...»

Есть и еще письмо А. С. Эфрон, касающееся «Воспоминаний» Анастасии Ивановны, 5 октября (1958 г.). Вот извлечение из него: «Милая Асенька, еще добавление: переписываю, каждый день понемногу, Ваши воспоминания. Они очень хороши, талантливы, своеобразны. Их своеобразие, как говорят знатоки и ценители, которым я даю их почитать — сродни маминому и пастернаковскому. Для меня это — клад, воскрешение маминых, а через нее и моих собственных — истоков. Многое помню с маминых слов — и записанного Вами, и еще другого. У меня только одно пожелание — может быть, эгоистичное, так как пытаюсь сбрать о маме, что возможно — это чтобы в воспоминаниях Ваших Вы о ней не забывали. В

последнее время она, именно она, из написанного Вами исчезает, постепенно заменяясь Валерией Ивановной. Мама сочла бы эту замену — изменой, я же думаю, что сейчас Вы пишете с оглядкой именно на В. И., с оглядкой на то, что прочтет это именно она, последний вместе с Вами живой свидетель тех лет. Это естественно.

То, что я пытаюсь записывать о маме, я пишу не для себя, не для Вас, не для родных и знакомых. А «для тех, через сто лет», чтобы им помочь узнать правду. Впрочем, моя правда субъективна, так как я давно забыла об обидах и шероховатостях наших с мамой отношений, и, забыв о них, легко отошла на задний план, выпустив вперед ее, о которой, которую пишу.

Крепко целую Вас, желаю сил и здоровья. Как только получу какую-нибудь денежку — пришлю. Подошло ли, понравилось ли присланное мною всем вам? Жду от Андрюши весточки. Ваша Аля».

Это еще одна грань мнения Ариадны Сергеевны. Прав Марк Слоним, говорящий об Ариадне Сергеевне — «Она собрала архив рукописей М. И., много поработала... над опубликованием ее произведений и делает это со страстью и ревнивым обожанием, как бы искупая прежние грехи и утверждая в то же время свое исключительное право распоряжаться литературным наследием матери» («Воспоминания о Марине Цветаевой» М., 1993, с. 342).

Считается, что в русской классической литературе лучше всех процесс появления на свет человека, процесс родов, описал Лев Толстой. Однако данное в полном «кодексе» «Воспоминаний» описание своего собственного, а не воспринятого созерцательно, со стороны, опыта Анастасии Цветаевой, кажется нам по образности и представимости совершенно уникальным и не менее убедительным.

При этом Анастасия Ивановна могла памятью ярко и тонко вернуться в детство. Ей подвластно было возвратить в себе мироощущение ребенка. Реконструкция психологического состояния начальных дней прямо целебна — ведь ясновидящий В. И. Сафонов, находивший потерянных детей, никогда дотоле их не видя, говорил, что для того,

чтобы обрести здоровье, надо воскресить в памяти картины и чувства детства и организм начинает, как под гипнозом, вновь работать и дышать так, как будто он возвратился к заре своей жизни. Подобное литературное возвращение А. Цветаева продемонстрировала не только в корпусе «Воспоминаний», но и в мемуарном очерке «О брате моем Андрее Ивановиче Цветаеве», опубликованном в «Науке и жизни», в № 3, 1986 г. В том же популярном журнале выходили и ее стихи, и рассказы о животных, позже собранные в книгу «Непостижимые» (1992). Сестры Цветаевы обе были сердечно проникновенны к собакам, кошкам — братьям меньшим... Книга напечатана в тот же год, что и написанная по совету архимандрита Виктора Мамонтова книга рассказов «О чудесах и чудесном». К моменту выхода этих книг автору было уже под сто лет и она продолжала работать...

В «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны Цветаевой есть две последние части, которые выглядят как приложения к основному тексту мемуаров. Это «Поездка к Горькому. Встреча с Мариной» и «Последнее о Марине». В самой конечной части повествуется о поездке в Татарию, в Елабугу, где были сделаны усилия узнать, как можно больше, о смерти сестры, об обстоятельствах ее ухода из жизни. Было намерение найти затерянную на елабужском кладбище могилу Поэта.

Анастасия Ивановна, не найдя могилу, установила крест в той стороне кладбища, где были захоронения 1941 года. Она возвратилась в Москву и по сделанным в пути заметкам записала услышанное и увиденное, дополнив сведениями, собранными от разных людей. Теперь, когда открыты архивы, в том числе и фонд М. Цветаевой в РГАЛИ, можно сказать, что многие «сенсационные» версии гибели поэта не подтвердились. Мнение Анастасии Ивановны наоборот, не опровергнуто, оно равноправно с другими, и во многом получило подтверждение, когда были опубликованы дневники Г. С. Эфрана.

Анастасия Ивановна узнала, что в пылу ссоры сын крикнул матери: «Ну, кого-нибудь из нас *вынесут* отсюда вперед ногами!» и почувствовала, что эта фраза могла

стать побудительным мотивом к действию. Значит, решила она, Марина ушла из жизни, чтобы не ушел сын. И самоубийство ее было жертвенным. Могло быть и так, что, идя на самоубийство, сама не в силах ни сдержать сына, ни найти с ним общего языка, она решилась уйти из жизни, чтобы сироту пожалели, не оставили помощью и участием. Возможно, в старой России и не оставили бы, поддержали. Но те, к кому были обращены ее прощальные письма, в судьбе сына приняли минимальное участие. Само существование этих писем говорит о многом. Во всех трех оставленных ею посмертных записках речь идет прежде всего о сыне. Письмо с обращением «Дорогие товарищи!» — мольба, обращенная к писателям отвезти сына к Н. Асееву в Чистополь. Она беспокоится, как доедет, ведь «Проходы страшные!» Говорит, что хочет, чтобы сын жил и учился. И добавляет «Со мною он пропадет». А чтобы не пропал, надо освободить сына от себя и от своего отчаяния. И в письме к самому Асееву и сестрам Синяковым — снова о Муре: она отдает им самое дорогое, свой творческий архив и сына. «Завещая» его в семью Асеевых, она говорит: «Я больше для него ничего не могу и только его гублю». Можно себе представить, сколько раз сын говорил матери о том, что его она губит — теми или другими словами. Весьма знаменательны свидетельства из книги Кирилла Хенкина «Охотник вверх ногами» (М., 1991) — Сергей Яковлевич помог ему из Парижа уехать в Испанию и стать там агентом НКВД, — автор был хорошо знаком еще по Парижу с семьей Цветаевых-Эфронов. Он пишет: «... Наша последняя встреча. Москва. Начало июня 1941 года, канун войны. Где-то около Чистых прудов. Не повернуться в странной треугольной комнатенке — окна без занавесок, слепящий солнечный свет, страшный цветаевский беспорядок... Самого разговора не помню. Но хорошо помню его тоналность. Непонятные мне взрывы раздражения у сына Мура. Не только на мать, но и на уже исчезнувшего, расстрелянного (хотя этого еще не знали) отца, на арестованную Алю. Невысказанный упрек. Я тогда решил: злоба на тех, кто привез его в эту проклятую страну. Так оно, вообще говоря, и было...

Мур не мог простить, что ... погубили его жизнь. Хотя шпионаж (С. Я. Эфрана — Ст. А.) был, возможно, следствием, вторичным явлением. Средством вернуть Марину в Россию».

В полном прощальной нежности письме к сыну, Марина Ивановна пишет: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я дальше не могла жить».

Если и была больна Марина Ивановна, то только тем, что окончательно потеряла волю к жизни. «М. И. была абсолютно здорова к моменту самоубийства» сообщает сын в своем дневнике (31. 08. 41), видимо, говоря о здоровье физическом. Душа же ее давно была больна отчаянием. В повести «Страсть и молодость» Анастасия Ивановна, в частности, замечает: «Демоническое начало в Марине, отчаяние было сильней, чем во мне. От него она — глухла? к миру? (отъединение)» (254).

Не забудем, что первую попытку самоубийства Марина Цветаева совершила в Германии — в двенадцать лет пошла топиться в реку, потому что маленькая Ася ее «не понимала». Об этом Анастасия Ивановна написала еще в 1916 году в книге «Дым, дым и дым», вышедшей с посвящением сестре. Следующая попытка относится к 1908 г., тогда было написано ныне утерянное прощальное письмо. Она многие годы, не только последние два, по ее выражению, так или иначе «примеряла крюк». Самоубийство, по глубокому наблюдению П. Д. Успенского, автора книги «У последней черты» (1913), не бывает внезапным поступком. Нет, это процесс. Человек отравляет себя постепенно мыслью о самовольном уходе из жизни. Лелеет эту мысль, пока сгустившиеся жизненные обстоятельства не крикнут ему в лицо — «пора!». И тогда следует неизбежное.

Марину Ивановну держали, собственно, на земле две вещи — чувство долга и творчество. Творчество к моменту самоубийства для нее закончилось, стихов она больше не писала.

Еще во Франции она говорила своему другу Марку Слониму: «Я хотела бы уме-

реть, но приходится жить ради Мура. Але и Сергею Яковлевичу я больше не нужна». Муж, бывший белый офицер, потом евразиец, и дочь серьезно увлеклись Советской Россией. Увлечение их переросло в деятельность в «Союзе возвращения на родину» — под «крышой» этой организации работала советская разведка. Об этом статья М. Фейнберг и Ю. Клюкина «По вновь открывшимся обстоятельствам...» («Горизонт», 1992, № 1, с. 53). Там приводится письмо А. С. Эфрон к подполковнику юстиции Камышникову от 25 июня 1955 г. по поводу посмертной реабилитации отца, где она дважды говорит об участии «в нашей заграничной работе». Кроме того, сын Анастасии Ивановны А.Б. Трухачев рассказывал, что в 1937 году он, зная о прибытии Ариадны, отправился на вокзал, увидел, что ее встречали люди из НКВД. Она передала им чемоданчик и на машине того же ведомства отбыла. На вокзале Андрей Борисович только со стороны наблюдал за происходящим, подойти не решился, встретились они позже.

Когда, обвиненный в причастности к политическому убийству невозвращенца Игнатья Рейсса, Сергей Эфрон бежал в Советскую Россию, М. Цветаева осталась без средств к существованию. Эмигрантские литературные круги и так не жаловали Цветаеву за независимый характер и за сложный, далеко не всем понятный стиль стихов и поэм, а тут муж оказался советским агентом! Ее не только не печатали, ее стали открыто игнорировать, устроили настоящий бойкот... Иного пути, кроме возвращения в Россию, т. е. в СССР, для нее, пожалуй, не оставалось. Тем более, там уже был Сергей Яковлевич, жила и работала дочь Ариадна. И туда усиленно рвался, тоже уверовав в «светлое будущее», сын Георгий, Мур.

И вот она в России, в Советской России. Сначала арестовали дочь. Потом, выбив из нее показания на Сергея Яковлевича, взяли и его. Она оказалась с сыном снова одна — мыкалась по чужим углам, снимая на последние деньги жилье. Потом война, ужас перед которой ее обуревал еще во Франции. Всеобщая нарастающая тревога, переходящая в панику во время авианалетов. Взрывы бомб, прожектора, направленные в небо.

Вот что говорила очевидец того времени И. Б. Шукст, рассказывая о том, как видела Марину Ивановну в бомбоубежище: «Кто охал все время, кто спал. А Марина Ивановна, как села напряженно, как изваяние — прямая, как стрела, вперив вперед стеклянные глаза, руки вцепив в колени, будто дамоклов меч над ней, всю бомбажку так и просидела. Вид ее был ужасный. Мур был спокоен, может быть, даже спал... Напряжение, которое в Марине было и раньше, свойной резко усилилось, может быть, она ждала ареста, может быть, боялась, что Мура убьют...» («Россияне», № 11–12, с. 37).

Жена осужденного «врага народа», французского шпиона с белогвардейским прошлым; сестра Анастасии Ивановны, осужденной как контрреволюционерка; мать Ариадны, также осужденной как иностранная шпионка... Что было ждать Марине Цветаевой при таком ее «семейном положении»? Кстати, пока близкие были на воле, а Марина Ивановна собиралась в Советский Союз, муж и дочь, бывшие тогда уже в СССР, арест и заключение Анастасии от нее скрыли, не написали. Когда Марина Ивановна у встречающих спросила: «А где же Ася?», тогда и выяснилось, что сестра за свой «идеализм» отывает срок. Они еще не ведали, что совсем скоро последуют за нею в тюремный ад. Арестованного соседа Цветаевой по даче в Большево, тоже «возвращенца», Н. А. Клепинина следователь настойчиво спрашивал о М. Цветаевой, о ее взглядах, настроениях. В деле сохранились показания Клепинина от 7 янв. 1940 г.: «Она говорила, что приехала из Франции только оттого, что здесь находятся ее дочь и муж, что СССР ей враждебен, что она никогда не сумеет войти в советскую жизнь. Подобные разговоры она вела очень часто... В связи с арестом сначала сестры, а потом и дочери, и мужа ее недовольство приняло более конкретный характер. Она говорила, что аресты несправедливы». В книге И. Кудровой «Гибель М. Цветаевой», где эти показания приведены (с. 133), высказывается версия о том, что С. Я. Эфрон лично не участвовал в убийстве Рейсса. Он был «групповод и наводчик-вербовщик», который по заданию заместителя начальника иностранного отдела НКВД

С. М. Шпигельгласса «организовал группу, выследившую Рейсса и осуществлявшую убийство» (с. 142). Однако арестован С. Я. Эфрон был не в связи со своей неудачной «работой» во Франции, о которой следователь ничего не хотел даже слушать, а оттого, что просто нужно было подготовить еще один громкий политический судебный процесс.

В Голицине Марина Ивановна встречалась в Доме творчества писателей с Ноем Лурье и горько сетовала: «Неужели я здесь оказалась тоже чужой, как там?» Он пытался ее успокоить, говорил, что со временем, надо надеяться, трудности пройдут. Она была безутешна. «Боюсь, что мне не справиться с этим...», — повторяла она. 10 июня 1941 г. Марина Ивановна подписывает письмо советскому поэту и переводчику А. Кочеткову: «Очень растерянная и несчастная МЦ».

Тучи сгущались, началась война, войска вермахта подходили к Москве. Марина мечтала, воля к жизни, цветаевская четкость этой воли постепенно покидали ее. Творчество кончилось. Остался только на глазах взрослеющий, грубеющий, рвущийся из-под ее крыла сын. Дальше эвакуация — Чистополь, Елабуга. Всеобщая тревога и безысходность, попытки устроиться на работу. Жизнь за занавеской у хозяев, которые с трудом терпели небогатую жилищку с сыном. С сыном она скорила постоянно — доходило до крика на непонятном им, французском, языке. И слух о ней шел — белогвардейка, эмигрантка. Известно, страх был. Восьмидесятилетний елабужский житель А. И. Сизов уже во времена перестройки рассказал, что познакомился с эвакуированной, пытался помочь... А хозяйка ее квартирная, Анастасия Бродельщикова, на вопрос: «Ты чего с жилицей не поладила?» ответила ему: «Да вот, пайка у нее нет... И еще приходят эти, с Набережной, рассматривают ее бумаги, когда ее нет, да меня расспрашивают о ней — что говорит, кто к ней приходит. Одно беспокойство...» Значит, в ее отсутствие приходили «с Набережной» — так в Елабуге называли здание НКВД. Вот еще одно звено в ложащейся кругами, стягивающейся цепи, ускорившей последний шаг...

Благодаря К. Хенкину мы располагаем сведениями о тех слухах, которые ходили в

недрах спецслужб: «В воскресенье 31 августа, спустя десять дней после приезда ее из Москвы, хозяйка дома, Анастасия Ивановна Бродельщикова, нашла Марину Ивановну Цветаеву висящей на толстом гвозде в сенях с левой стороны входа. Она так и не сняла перед смертью фартука с большим карманом, в котором хлопотала по хозяйству в это утро, отправляя Мура на расчистку площадки под аэродром.

После смерти Марины Цветаевой оставались привезенные ею из Москвы продукты и 400 рублей. Хозяйка дома говорила: «Могла бы еще продержаться... Успела бы, когда все съели...» Могла бы, конечно. Сколько людей в России выдержали, потому что ждали пайку или банного дня.

Узнав, что перед самоубийством Марина Цветаева ездила в Чистополь к поэту Асееву и писателю Фадееву, Пастернак позже ворчал: «Почему они ей не дали денег? Ведь я бы им потом вернул». Но я еще тогда узнал, что не за деньгами ездила Марина Ивановна в Чистополь, а за сочувствием и помощью. Историю эту я слышал от Маклярского. Мне ее глухо подтвердила через несколько лет Аля. Но быстро перестала об этом говорить.

Сразу по приезде Марины Ивановны в Елабугу, зазвал ее к себе местный уполномоченный НКВД и предложил «помогать». Провинциальный чекист рассудил, вероятно, так: женщина приехала из Парижа — значит, в Елабуге ей плохо. Раз плохо, к ней будут льнуть недовольные, начнутся разговоры, которые позволят всегда «выявить врагов», то есть состряпать дело. А может быть, пришло в Елабугу «дело» семьи Эфрон с указанием на увязанность ее с «организации». Не знаю. Рассказывая мне об этом, Миша Маклярский честил хама чекиста из Елабуги, не сумевшего деликатно подойти, изящно завербовать, и следил зорко за моей реакцией...

Все эти слухи никак не опровергают мнения Анастасии Ивановны. Они лишь дополняют представление о той ужасающей атмосфере, в которую попала Марина Ивановна.

В дневниках сына Георгия, которые ныне опубликованы, к матери, пока она была жива и даже после, наблюдается отно-

шение очень отстраненное. Недаром цветаевским чутьем Анастасия Ивановна, в лагере получив письмо от племянника, почувствовала этот холод к матери и ее памяти. По большому счету возможно, что потеря душевного контакта с последним по-настоящему близким человеком, с сыном, его душевная глухота, характерная подросткам этого возраста, стали настоящей последней каплей во Грааль земных страданий поэта...

Г. Эфрон, «Дневники», запись: «31 августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэрордроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося ее «освободить». И покончила с собой» (31. 08. 41—5.09.41 II, с. 7). Мало кто обращает внимание на эту предсмертную просьбу. А зря. Освободить — от чего? Да от чувства долга перед несовершеннолетним сыном! Вот что ее мучило, вот что держало на земле. Ни Сергею Яковлевичу, ни Ариадне Сергеевне она уже ничем помочь не могла. Когда же почувствовала, что ее силы иссякли, дух сопротивления жизни сломлен, воля сникла, тогда свершила давно задуманное.

Известный цветаевед Ирма Кудрова в статье «Третья версия. Еще раз о последних днях Марины Цветаевой» пишет: «Известно, что дня за два-три до прибытия Марины Ивановны вопрос о возможности ее переезда из Елабуги уже обсуждался на заседании совета эвакуированных. Наверняка, это произошло по инициативе той самой Флоры Лейтес, телеграммы от которой Цветаева так ждала. Флора побывала у Николая Николаевича Асеева и, стараясь уговорить его, обещала, что поселит Цветаеву с сыном у себя, так что не придется даже искать жилье. И Асеев согласился вынести вопрос на заседание. Однако там резко недоброжелательную позицию занял драматург Константин Тренев. Год назад он передал для Цветаевой то ли 50, то ли 100 рублей, по слухам, вместе с Маршаком, и теперь запальчиво говорил об «иждивенных настроениях» недавней белоэмигрантки. А Асеев не стал защищать интересы Цветаевой. Может быть, просто побоялся возразить на треневскую аргументацию: муж — белогвардеец, сама — белоэмигрантка, а Чистополь и без того перепол-

нен...». И все же заболевший Н. Асеев на следующий день прислал от себя письмо в поддержку просьбы Цветаевой о прописке.... Мнение Тренева не стало решающим. Эти факты известны.

Но мало кому известно, что ненависть к М. Цветаевой у Тренева была продолжением его нелюбви к ее сестре Анастасии, с которой познакомился в 1936 г. в Доме творчества писателей в Эртельевке, в Воронежской губернии. Тренев внешне напоминал Горького, это расположило к нему Анастасию Ивановну. Он рассказывал ей, что при знакомстве с Горьким и он, и Горький хором сказали: «Так вот Вы какой!». Дружба была теплой, с его стороны — на грани увлечения. Когда ее срок отдыха кончился, и она уезжала, он простирая ей вслед руки. Далее в августе 1936 г. было опубликовано обращение, поддерживающее репрессивный процесс по делу о «троцкистско-зиновьевском «Объединенном центре», в том числе и против Л. Б. Каменева, с которым Анастасия Ивановна познакомилась у Горького. Она рассказывала автору этих строк: «В Первом МХАТе я актерам преподавала осенью 1936 года английский язык два раза в неделю. Входит Тренев, он ставил свою «Любовь Яровую», ко мне бросился как к другу. Я уже прочла в газетах, что писатели одобрили это «мероприятие». Там была его подпись. «С этими людьми, Константин Андреевич, Вы подписали то, что было в газетах. Вы это зря подписали!» Он отвечал: «Вы же знаете, как это делается, приезжают к Вам на дом...» Я в ответ молчала. Он преследовал потом Марину. Дал ей в долг и требовал с нее 1000 рублей. И ратовал, чтобы ее не прописывали». Так что не только «классовая бдительность коммуниста» заставляла Тренева выступать против прописки эвакуированной М. Цветаевой в Чистополе, но и личный мотив...

Предконечные дни были днями метаний, нерешительных попыток зацепиться за работу, за жилье, за прописку. Сын же намеренно устранился от каких бы то ни было решений. 30.08.41 он записывает: «Мать как вертушка: совершенно не знает, оставаться ей здесь или переехать в Чистополь. Она пробует добиться от меня «решающего сло-

ва», но я отказываюсь это «решающее слово» произнести, потому что не хочу, чтобы ответственность за грубые ошибки матери падала на меня» (I, 539).

Вскоре после самоубийства Мариной Ивановны — именно так в дневнике он величает мать — Георгий деловито записывает 19. 09. 41: «Льет дождь. Думаю купить сапоги. Грязь страшная. Страшно все надоело. Что сейчас бы делал с мамой? Au fond (по существу, фр.) она совершенно правильно поступила — дальше было бы позорное существование» (II, 27).

И только много спустя, 08. 01. 43 он напишет гражданскому мужу своей сестры Ариадны Самуилу Гуревичу: «Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, ее предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал ее и злился на нее за такое внезапное превращение... Но как я ее понимаю теперь!» (Г. Эфрон Письма, М., 2002, с. 108). Это написал уже человек одинокий, немало перестрадавший, воровавший с голоду, которому осталось недолго жить до своей безвременной гибели на фронте.

Если вчитаться внимательно в текст Анастасии Ивановны, то видно, что она лишь отражает узнанные события и никого не обвиняет. Просто показывает возможную причину и следствие. И ей, как человеку православно религиозному, хотелось доискаться

до возможного оправдания сестры перед Богом — жертвенное самоубийство можно хоть как-то оправдать!? Анастасия добилась своего — ее сестру отпели и теперь, бывает, поминают во храмах всея Руси. Племянника она тоже старалась понять. Поняв его юношеское отвержение, она пишет: «То, что было ее жизнью с ним, забота, для него было насилие. Он задыхался». «Меньше всего я возлагаю вину за смерть Марину на Мура... я слишком хорошо понимала жгучий узел, связавший их двух».

И вот печальный итог тяжелого рока обожженных пожаром истории двух ветвей этой трагической семьи — Марина Ивановна Цветаева покончила собой. Могила ее на елабужском кладбище условна. Сергей Яковлевич Эфрон расстрелян в тюрьме — могилы нет. Его мать, Елизавета Эфрон, в 1910 г. покончила с собой, вслед за повесившимся братом Сергея Яковлевича Константином. Их могилы затеряны. Сын Георгий погиб в 1944 году. Могила братская, условная. Младшая дочь Ирина умерла в 1920-ом, ей было два года. Могила неизвестна. Однако все они, ушедшие и растаявшие в прошлом, оживают в памяти тех, кто душою приникает к наследию Мариной Цветаевой, кто читает «Воспоминания» ее сестры Анастасии, мемуарную прозу дочери Ариадны и всю огромную мировую библиотеку исследований, посвященную талантливым представителям семьи, создавшей столько культурных ценностей для их родины, России.

Фотохудожник Андрей Климацев

На нашей Фотовыставке — фотохудожник Андрей Климацев. Я знакома с ним заочно, по работам, выставленным на фотосайтах в Интернете. Сегодня хочется представить фотографа и его снимки читателям журнала «Доля». Наша беседа велась по телефону:

— *Андрей, кто Вы по образованию?*

— Я окончил Военный инженерно-технический университет (ЛВВИСКУ) имени генерала армии А.Н. Комаровского) в Санкт-Петербурге. Когда я учился, это был город Ленинград. ЛВВИСКУ — первое высшее инженерное учебное заведение в России, истоки которого берут свое начало в 1819 году. Известные выпускники и преподаватели Санкт-Петербургской Высшей школы военных инженеров Военного инженерно-технического университета, которые на слуху у всех: Великий Князь Николай Николаевич Младший, писатели Ф. М. Достоевский и Б. А. Мохаев, композитор и музыкальный критик, профессор фортификации, инженер-генерал Ц. А. Юи, известные ученые Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, М. В. Остроградский, П. Л. Капица и его сын Л. П. Капица, герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, российский электротехник, изобретатель и предприниматель П. Н. Яблочкин, генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией Май-Маевский Владимир Зенонович, с которым большинство нынешнего поколения знакомо по фильму «Адъютант его превосходительства».

По образованию я инженер-механик по ремонту и эксплуатации автомобильной и строительной техники. До конца девяностых служил в Армии, в запас ушел в звании майора.

— *Сейчас Ваша работа связана с полученной специальностью?*

— В определенном смысле, да. Я — менеджер по работе с корпоративными клиентами в автосалоне. Многогранность полученных в ВУЗе знаний позволяет мне успешно справляться с нынешними своими обязанностями. Хотя, всегда хочется чего-то еще. Например, творчества...

Наше интервью

— Ну, это вполне возможно восполнить своими хобби, которых у Вас, по-моему, множество...

— О, да! Увлекаюсь я многим. Люблю спорт: дайвинг, фридайвинг (подводное плавание, но без акваланга), горнолыжный скоростной спуск. В ранней молодости, со школьных лет, любил автомобильные гонки. Кстати, и фотографией я увлекся в школе, в классе четвертом, впервые взяв в руки фотоаппарат Смена 8М. Сначала была просто интересна техническая сторона — процесс проявки пленки, появление изображения на бумаге, и все это в таинстве красного света абсолютно темной комнаты... Позже появился интерес к непосредственно съемому объекту, к композиции. Может, отсюда пошла любовь к живописи, в частности, к портретам. Еще студентом бегал в Екатерининский сад, писал там портреты прохожих — учился ловить в лице человека его суть, набивал руку художника и, заодно, зарабатывал на свое студенческое существование.

И по сей день мне больше всего нравится снимать людей, ловить их эмоции, «подслушивать» мысли, которые порой просто написаны на их лицах, позже, рассматривая снимки, продолжаю разгадывать сущность моего фотогероя.

— *Судя по автопортрету (смотрите фото на вкладке журнала, ред.), Вы еще и не лишенны музыкальности...*

— С детства любил шелест гитарных струн, но вот научился играть совсем недавно.

— *Учились в Питере... В Ленинграде... Но Вы — москвич?*

— Да, москвич уж не помню, в каком поколении. Очень люблю свой город, его историю.

— *Это чувствуется, глядя на Ваш снимок «Москва майская». Так и напрашаются строки из песни «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» Красивый снимок, в нежной тональности утра...*

— На самом деле снимал вечером. Но, поскольку я с трудом встаю рано, мне захотелось придать снимку вид рассветного майского утра. Рад, что получилось!

Кстати, об истории. Мне нравится обращаться к прошлому. Впервые попав на реконструкцию Бородинского сражения, я прикоснулся к этому событию не через книгу или фильм, а через живое действие. Это гораздо увлекательнее! Мне бы очень хотелось, чтобы читатели журнала «Доля» в сентябре, когда будет 200-летие Бородинской битвы, побывали на знаменитом историческом поле, где развернется, уверен, грандиозное феерическое зрелище тех событий. А пока хочу познакомить их с малой долей того, что снято в прошлые годы. Мои снимки — не постановка фотографа. Я ловил и пытался зафиксировать то, что ставили режиссеры реконструкции. Это очень интересно!

— Я знаю, что на фотосайте, где мы с Вами встречались...

— А мы все-таки знакомы? Я просто не припомню фамилии Прилуцкая...

— Да Вы ее и не слышали там. Так вот на ФотоФоруме, я знаю, у Вас есть друг, фотохудожник из Пятигорска, Константин...

— Да, Константин Мягков.

— Я заметила, что вы с ним оба эрудированны, знатоки истории, поэзии. Не ошибусь, наверное, если скажу, что вам с Константином очень близок Михаил Лермонтов — вы частенько его цитируете.

— Да, это так! Особенно захватил Лермонтов Костю, который волею судьбы из Мурманска оказался на Кавказе, поселился там и теперь увлеченно изучает самым непосредственным образом историю пребывания поэта в этих местах. Подходит он к этому вопросу очень серьезно — дотошно вычитывает все, что удается найти о снятом им объекте. У Кости очень интересная манера обработки снимка, несколько необычная в своем роде.

— А нет ли у вас совместных творческих планов с Константином Мягковым?

— Вы знаете, были... Был план издать совместную книгу, фотоальбом, иллюстри-

рованный лермонтовским стихотворением «Бородино». Но... Московское издательство объявило нам такую цену!.. Пришлось приглушить свои желания.

— Что ж, не исключено, что вам подойдет издательство «ДОЛЯ», издавна славящееся своей качественной работой и щадящими ценами.

Но вернемся к фотографиям того, что связано с 200-летним юбилеем Бородинского сражения. На нашей Фотовыставке снимок Спасо-Бородинского монастыря. Это сооружение интересно своей историей...

— Это первый памятник воинам, павшим во время Бородинского сражения. Спасо-Бородинский монастырь был основан Маргаритой Михайловной Тучковой (урожденной Нарышкиной) на месте гибели ее мужа, генерала Александра Алексеевича Тучкова. Место для строительства монастыря было избрано не сразу. Дело в том, что тело погибшего генерала так и не было найдено, и только в 1817 году сражавшийся рядом с ним генерал П. П. Коновницын написал Маргарите Михайловне о том, где последний раз видели ее мужа — на средней Багратионовой флеши. Вдова испросила высочайшего разрешения на сооружение поминальной часовни на этом месте, и получила его вместе с 10 тысячами рублей от государя на строительство. Выкупив три десятины земли, выстроила на ней церковь Спаса Нерукотворного Образа (Нерукотворный Образ Спасителя — полковая икона Ревельского полка, которым командовал А. А. Тучков). Когда умер единственный пятнадцатилетний сын Тучковых Николенька, мать похоронила его здесь же. Весь мир женщины сосредоточился теперь в этом месте Бородинской земли, последнего пристанища двух самых любимых ее мужчин. С 1826 года М. М. Тучкова переехала жить в домик при церкви, к ней примкнуло несколько таких же, как она, вдов. С 1833 года — это Спасо-Бородинское Семёновское общежитие, а с 1839 — Спасо-Бородинский второклассный женский монастырь. Маргарита Михайловна Тучкова в 1836 году, освободив своих крепостных, постриглась, а в 1840 году стала игуменьей этого монастыря под именем Марии.

Еще в двадцатые годы XX века в монастыре жило до 270 сестёр. Но в 1929 году монастырь закрыли. До 1941 года он использовался как школа и общежитие, во времена немецко-фашистской оккупации был занят под немецкий военный госпиталь, а в 1950-е годы стал машинно-тракторной станцией.

Реставрация монастыря началась в 1972 году, и в 1992 году в нем была возобновлена женская православная обитель (ряд помещений используется совместно с Бородинским музеем-заповедником). В 1994 году заново выстроен домик М. М. Тучковой.

— Андрей, я знаю, что у Вас есть замечательная фотосерия цветов. Каждый снятый цветок имеет легенду, которую Вы прекрасно рассказываете.

— О, цветы я очень люблю, как, впрочем, все красивое! У них своя жизнь...

— Откуда же Вы черпаете свои истории о цветах?

— Я рано лишился родителей. Мне не было еще десяти лет, когда их не стало. У человека, заменившего мне отца, есть мама, Климачёва Мария Васильевна, которую я зову бабушкой. Она живет в Воронеже, уже очень старенькая, но до сих пор с ней интересно беседовать, несмотря на ее возрастную забывчивость, проявляющуюся время от времени. Когда-то она была искусной мастерицей цветов из соломки, занималась плетением на коклюшках — вологодские кружева. Вот у нее я и нашел книгу на чешском языке с легендами о цветах. И захотелось мне сделать свой фотоальбом, над которым я до сих пор не прекращаю работу.

— Да, цветы из Вашей фотоколлекции великолепны! У меня есть подарок от Вас.

— Да кто же Вы?!

— Узнаете, получив четвертый номер журнала «Доля»! — смеюсь я. — Пока лишь могу сказать, что мой фотопсевдоним — имя

героини моего романа «Общежитие», который я написала в 2004 году. Волею судьбы из инженера-строителя она превратилась в преуспевающего фотографа одного московского глянцевого журнала. Это случилось приблизительно в тот же период истории нашей страны, когда и Вы сменили профессию военного офицера на гражданскую.

— Что ж, буду ждать! Ждать и гадать... Может быть, угадаю! Я все-таки военный инженер, логическое мышление которого развивалось не один год. А читательницам журнала «Доля» я дарю снимок лилии. На мой взгляд, это один из самых прекрасных цветов на нашей планете.

— А легенда?

— Легенда... Так уж повелось, что люди издавна дарили другу цветы, а цветам — красивые имена, слагая про них легенды и сказки. Древнегреческие мифы приписывали лилии божественное происхождение. Согласно одному из них, однажды богиня Гера кормила младенца Ареса. Капли брызнувшего молока упали на землю и превратились в белоснежные лилии. С тех пор эти цветы стали эмблемой богини Геры.

Но я дарю вам снимок под названием «Венец для Оберона». И это тоже идет от одной из легенд о лилии, из древнегерманской мифологии. В ней бог грома Тор всегда изображался держащим молнию в правой руке, а скипетр, увенчанный лилией, в левой. Ею же украшалось чело древних обитателей Померании во время празднеств в честь богини весны. А благоухающий венчик цветка служил в германском сказочном мире волшебным жезлом для Оберона, царя фей и эльфов. Он же был жилищем этих маленьких сказочных созданий. Пусть жизнь читателей журнала «Доля» хоть на миг станет красивой сказкой!

Беседу с фотохудожником из Москвы Андреем Климачёвым провела фотограф Светлана Волевская, она же — редактор журнала «Доля» Ольга Прилуцкая.

Журнал из Бурятии «Северо-Муйские огни»

Наши гости

У нас в гостях журнал из Бурятии «Северо-Муйские огни»

Кто не слыхал — пусть знает. Кто забыл — пусть вспомнит...

Было время, семидесятые годы прошлого столетия, когда в СССР везде и всюду звонко распевалось:

Слышишь, время гудит — БАМ!
На просторах крутых — БАМ!
И большая тайга покоряется нам!

Тысячи молодых людей со всех концов огромной страны приехали тогда на строительство БАМа — Байкало-Амурской магистрали. Бурятский Северомуйск в то время называли столицей тоннельщиков этой стройки века. К западу от него с 1977 года велось строительство крупнейшего в России Северомуйского тоннеля, последнего звена железнодорожной магистрали. Его протяженность — 15,343 километра. Открытие тоннеля в 2003 году позволило поездам идти напрямую через Северо-Муйский хребет, а не через сложнейший 53-километровый обходной путь, как раньше.

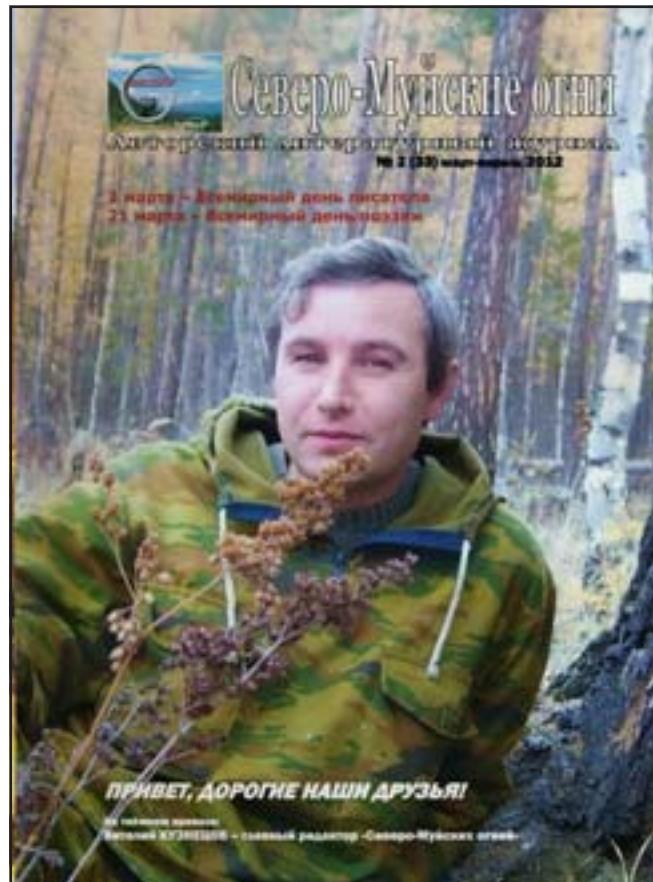
Трудно и долго строился тоннель. Природа сопротивлялась вторжению человека, выставляя своих защитников — вечную мерзлоту и термальные воды высокого давления, сейсмичность, наледи и оползни, лютые морозы, снегопады, ураганные ветры. Но в 2003 году строительство было завершено.

«Столица», в которой во времена всесоюзной стройки проживало около 12 тысяч жителей сорока трех национальностей, превратилась в посёлок городского типа со спортивно-оздоровительным комплексом, средней и вечерней школами, школой искусств, двумя библиотеками (детской и взрослой). И, пожалуй, одним из главных в культурной жизни этого далекого сибирского, необыкновенно красивого места стал журнал «Северо-Муйские огни».

Журнал — авторское литературное из-

дание, цель которого — «духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества». Это из Устава журнала «Северо-Муйские огни», который собирает на своих страницах известных и начинающих литераторов, делающих в своем творчестве акцент на укрепление отношений природы и человека.

Журнал объемом в 88 страниц своеобразен уже тем, что его обложка в каждом номере иная, знакомящая читателя с чем-то или кем-то новым. Он борется за нрав-

Виталий Кузнецов — основатель и главный редактор «Северо-Муйских огней» — на обложке журнала.

ственность в отношениях и чистоту русского языка, оберегая его самобытность. О нем можно много говорить, но лучше всего его читать.

В прошлом номере мы знакомили наших читателей с двумя авторами журнала из Бурятии — поэтом Анатолием Горбуновым и прозаиком Александром Кобелевым. В этот раз представляем вам еще двух его авторов.

Знакомьтесь — основатель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни» **Виталий Кузнецов** — поэт, прозаик, издатель. Окончил специальную школу ВДВ (развед-

Признаки России, или Русские картинки

Луга. Ромашки. Васильки.
Река. Изгибы. Перелески.
Берёзки. Ивы. Родники.
Россия... Избы. Занавески.

Овраги. Ласточки. Стрижи.
Поля. Подсолнухи. Тропинки.
Покосы. Прудики. Ужи.
Всё это русские картинки.

Дороги. Камни. Ковыли.
Осот. Пустырник. Лебеда.
Разруха... Вдовы. Бобыли.
Погосты — русская беда.

Ну вот и первые морозы! —
Приветы долгих зимних дней.
Не плачет осень, смёрзлись слёзы;
Нам долго не видать дождей.

Кружится снег под синим сводом,
И густо падая, шуршит.
Зимы суровый приговор он —
Всех в каземат закрыть спешит.

Но знаем мы, она — природа —
Ещё устроит в жизни бунт —
Растопит рек-озёр колоды,
Освободит от снежных пут!

чик). Литературой увлекся в раннем детстве, пишет стихи и прозу с десяти лет. Публиковался в журналах и коллективных сборниках Сибири. Кандидат в члены Союза писателей России. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири.

За создание литературного журнала «Северо-Муйские огни» удостоен Диплома общественной организации «Женщины Бурятии», отмечен Благодарственным Письмом Народного Хурала Республики Бурятия.

С огромной любовью относится к Родине, к природе и животному миру, призывая беречь их.

Притяжение звёзд

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле —
Далёких звёзд предущий веки свет —
Притягивает нас,
как отсветы огней
Костров, горящих в древней дикой тьме.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле,
Как блики городов во дне минувшем,
Предстанет нам в ночи
скоплением людей,
Маня нас, одиноких и заблудших.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле —
Церковных будто отблески свечей —
Взывает к небесам
и обращает к тем,
Кто в этом мире стал уже ничей.

Снегири

Я давно в тайге — в горах — не видел
Птицу ту, что с грудкой алой зорьки, —
Может, Горный Дух её обидел,
Или вкус рябины слишком горький?

Но однажды я в своём дворе
Прикормил синиц весёлых стайку;

Их слеталось много в январе
У кормушки, сделанной у бани.

Вслед за ними разные летели,
Осторожно так, тихонько, с краю:
И кедровки, кукши, свиристели —
С мест глухих, со всех тайги окраин!

Шутка ли — когда мороз за сорок!
И в лесу кормиться нечем стало;
Прилетали шумно, пёстрой сворой, —
Корма, благо, всякого хватало.

Только вот ту птицу — с грудкой алой,
Не пришлось увидеть мне ни разу.
Может быть, тайги вдруг стало мало,
Или ту пичугу кто-то сглазил?

Думал, никогда уже не встречу
Пташку с летней зорькой на груди,
Но надежда крепко веру лечит,
И Господь меня вознаградил.

В день морозный солнце было ясным,
Точно как у Пушкина в стихах,
Вдруг в окно увидел зорьку красну!
— Это ж снегири!.. Князья из птах!

Голубкой белою моя взмывает мысль
И вдаль меня уносит — к облакам,
Стрелою будто прорывая высь!

Поднявшись в небо, зависая над землёй,
Отдавшись воле ветра и крылам,
Она парит над грешным бытиём.

Как сладок миг свободного паренья!
Прекрасен мысли кипенный полёт —
Сознаньем управляет вдохновенье.

И тучи пусть сгущает тот же ветер,
И гром пусть над землёй пробьёт!
Но я останусь белой мыслью светел!

Стрелами кочевников
промчались стаи птиц, спеша на юг.
Всё мимо. Их гонит с ветром снег,
им горы — не уют.

А я смотрю им вслед,
и мысленно за ними улетаю...
Не хочется мне в плед —
туда хочу, где травы расцветают.

Так стынет сердце, давно —
я много лет тому назад
снегам, ветрам отдал его.
И что?
Забыл ли я цветущий сад?
Конечно, нет!
В душе моей, горячей, жаркой,
Омытой диким счастьем и вином,
храню.
И, словно птица-жаворонок,
я памятью пою
в краю родном.

Апофеоз

Посеребрённые ступени
Крыльца старинного хрустят.
Избушка — замок Берендея,
Вокруг — как в древней сказке, сад
Застыл под мантией мороза.

На окнах лебеди-узоры
Алмазной россыпью горят,
И всюду удивленье взорам:
Снег — в алом свете января,
Деревья — в хрустале,
А на кустах — цветут мимозы.

Искрит кристалликами воздух.
Я очарован вдохновеньем.
И чувства позабыли отдых,
Как стая птиц в тот день весенний,
Как дети в первый снег осенний,
Как в театральном представленье —
Когда звучит апофеоз.

Николай Тимохин — Казахстан, г. Семипалатинск.
По образованию учитель русского языка и литературы,
поэт, прозаик.

Член Всемирной корпорации писателей, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Член творческого совета авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я», и «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). Автор нескольких книг стихов и прозы. Сейчас готовит к изданию очередной сборник своих стихов «Живущим в XXI веке», работает над переводом сонетов Шекспира, которые войдут в сборник: «Новый взгляд на сонеты Шекспира».

...Жизнь состоит из взлётов и падений,
На каждый минус — существует плюс...
...За счастье в жизни часто платят горем,
За воду — жаждой, голodom за хлеб...
...И лишь поэты ищут постоянства,
Придумывая вечную любовь...

Евг. Нефёдов

Падений в жизни у меня не счасть,
А взлетов много и не наблюдал.
Всё оттого, что ненавижу лесть,
Поэтому препятствий было — шквал
На той дороге, что ведёт вперёд
Меня порой судьбе наперекор.
А кто и что за поворотом ждёт,
Заранее не знаешь. До сих пор
Плачу за радость я двойной печалью,
Найдка превращается в потерю
Тяжёлую. Что будет вновь за далью?
Лишь снова даль? И я её измерю
Шажками? Это станет испытаньем.
Не зная горя, счастья не узнать.
Его покоят тайны мирозданья

И в путь, за ним, влекут меня опять.
А в жизни не ищу я постоянства,
Природою всему отпущен срок.

Но только не совсем с любовью ясно:
Её навечно отыскать не смог.

Каждый день, как будто смертный бой.
Только с кем борюсь? Не знаю сам.
Трудности переношу порой
Я такие, о которых вам
Говорить желанья нет совсем.
Мне ответят: «Терпят все такое...»
Если так, то мы живём зачем,
Для чего создали всё живое?

Времена меняются. И свет
Побеждает непроглядный мрак.
У меня иной дороги нет —
Лишь идти навстречу солнцу. Так,
Каждый день мой, словно смертный бой.
Только с чем борюсь я, не пойму.
Раны получаю — и живой.
Этому конца нет... Почему?

Твой ночной звонок, как наказанье.
Тишину порвал он на куски.

От тебя я ждал в любви признанья,
От него — лекарства от тоски.
Сон прошёл, а вместе с ним — желанье
Дальше жить, в печали, одному.
Ты сказала тихо на прощанье:
«Нам с тобой встречаться — ни к чему.
И себя не мучай ожиданьем,
К прошлому возврата больше нет.
Счастлив будь с другою. До свиданья.
Вот таким и станет мой ответ...»
Твой ночной звонок, как наказанье,
Душу изорвал мне на куски.
Ждал я от тебя в любви признанья,
Слушая короткие гудки...

Я не умерла, мой милый, нет,
Я всего лишь очень далеко.
Шлю с небес тебе я свой привет.
Не печалься, мне сейчас легко,

Хорошо. Здесь жизнь совсем иная.
Ты поверь, её не описать.
За тобой я сверху наблюдаю.
Не тоскуй, мы встретимся опять,

Но не скоро. Ты не торопись.
У тебя так много важных дел!
Я ж лечу всё дальше, дальше — ввысь.
Ты ведь сам всегда того хотел,

Чтобы я счастливой стала вдруг,
И свободной, словно в небе птица.
А тебе желаю, милый друг,
Повстречать другую и влюбиться...

Не рви мне душу на кусочки
И сердце болью не тревожь.
Твои волнующие строчки
Наносят раны, словно нож.

Они вонзаются, как стрелы,
И кажется, что нет спасенья.
Моё истерзанное тело
Тебя приводит в восхищенье?

Ты пишешь, что любовь, как птица,
Вдруг упорхнула в никуда.
Я с этим не могу смириться —
Забудь обиды навсегда.

Не рви мне душу на куски
И не тревожь её напрасно.
Я чувствую слова тоски
В твоём письме. И ты — несчастна.

А кругом такая благодать —
Теплый майский вечер, скоро лето!
Впуро о хорошем лишь мечтать,
Радуясь закатам и рассветам.
Только мне не весело ничуть.
Этот праздник для меня — чужой.
Был неровным жизненный мой путь,
И сейчас он всё ещё кривой.

Вспоминая прошлые года,
Облик твой со мной и днём и ночью.
А вокруг такая благодать!
Но душа печально плакать хочет.

*Сергей Тараканов**Музыка*

ДОНСКАЯ ХОРОВАЯ КАПЕЛЛА «АНАСТАСИЯ»

Фото: В. Щербаков

«Во дни последнего пребывания капеллы в Москве на вопрос: «Почему — «Анастасия», почему — воскресение?» (Анастасия — женская форма мужского имени Анастасий, в переводе с древнегреческого языка — «воскресение», т. е. возвращенная к жизни), я ответил:

— Хор по милости воли Божьей обладает способностью воскресать, возрождаться. В доказательство тому есть несколько примеров.

Эпизод первый. «Начало».

Промозглым ноябрьским вечером 1991 года в коридоре Ростовской государственной консерватории имени Сергея Рахманинова (РГК) можно было наблюдать фигуру человека, привычно ожидающего появления студентов. К нему направились две представи-

тельные, невесть откуда взявшиеся, дамы, — разумеется, вокалистки. Они заявили без лишних предисловий: «Вы будете нашим хормейстером!» Похоже на завязку булгаковского романа, не правда ли?

Как всякие переговоры в романах, наши прошли молниеносно и закончились спевкой, состоявшейся на следующий день. Сказать, что я был шокирован — не сказать ничего...

Именно фантасмагоричность событий лишила меня воли и позволила понять простую мысль, что рождающийся «ребёнок» — не жилец. Но, как говорится у русских, — «Главное ввязаться, а там посмотрим!» И ввязался... И посмотрели...

Приступили к работе, к спевкам. Через два месяца спели отделение, а через полгода дали сольный концерт...»

Полностью рассказ Сергея Тараканова, художественного руководителя Донской хоровой капеллы «Анастасия», слушайте на аудиодиске в приложении. Там же выступление капеллы, хора «Лучик» и детского хора Ростовской Государственной консерватории им. С. В. Рахманинова. Запись сделана в Большом зале Ростовской областной филармонии 14 ноября 2011 года.

В программе концерта:

Хор «Лучик» — дирижёр-хормейстер Радмила Касумова:

В. Кожухин, «Мы Родиной зовём»;
О. Думченко, «Бабушкин кот».

Детский хор РГК — дирижёр-хормейстер Татьяна Буланкина:

Джованни Пьерлуиджи Палестрина, «Magnificat» (фрагмент);

И. Брамс, №2 из 12 песен и романсов, опр. 44;

С. Смирнов, «Песня о нашем хоре».

Донская хоровая капелла «Анастасия» — художественный руководитель Сергей Тараканов, заслуженный артист России, профессор Ростовской Государственной консерватории им. С. В. Рахманинова:

А. Кастальский, «Царю небесный»;
П. Чайковский, «Достойно есть», «Хвалите Господа с небес», «Блажени, яже избрал...»;

А. Кастальский, «Ангел вопияше»;
А. Гречанинов, «Херувимская песнь»;
П. Чесноков, «Сам Един еси Безсмертный»;

Д. Бортнянский, «Коль возлюблена селения Твоя...»;

Р. Твардовский, «Воскресение Христово видевшее»;

Д. Дианов, «Да молчит всякая плоть...»;

Ю. Кузнецов, «Величит душа моя Господа»;

С. Рахманинов, «Днесь спасение миру бысть...»

Фото: В. Щербаков

Наталья Лаврецова

На экскурсию с Буковским

(Окончание. Начало в журнале «Доля» № 2, № 3)

Воронич

Напомню снова — название «Тригорское» вполне объяснимо: на крайней правой горе, если смотреть со стороны Михайловского, находится собственно имение Тригорское. А на центральной горе в средние века располагалась Псковская крепость, мощнейший Псковский пригород — Воронич. На третьей горе и внизу за Соротью — горний и нижний посады города Воронича.

Можно представить: крепость опоясывала деревянная стена с заостренными бревенчатыми кольями. На наиболее покатой и тем самым уязвимой части горы стояли две деревянные башни. Так как с запада не было естественной преграды — отвесного уклона, пришлось вырыть ров и насыпать вал, хорошо видный со стороны Тригорского.

Практически каждый сезон на Ворониче производятся археологические раскопки, археологи находят немало интересного, позволяющего осветить неизвестные страницы истории.

В русских летописях первое упоминание о Ворониче датируется XIV веком. Неоднократно упоминается Воронич и в западных хрониках, и часто как сборный пункт русских войск, отправляющихся воевать в зарубежные земли. Это был крупный средневековый город. На посадах располагалось около 400 дворов. Бывал на Ворониче и Иван Грозный. Но Воронич постигла общая печальная участь многих крепостей Псковской земли. После того, как в результате Северной войны границы России были отодвинуты далеко на запад, возникает Санкт-Петербург. На территории России оказываются такие экономические центры как Ревель, Рига, Дерпт, и псковские крепости теряют свое экономическое и стратегическое значение. Они превращаются либо в заурядные

уездные городки — Гдов, Остров, Порхов, Опочка, либо в деревни — Велье, Врев, Выбор, Воронич. У нас на Руси не так уж и много деревень, которые могут похвастаться, что им официально около семисот лет.

О тесной связи творчества Пушкина с этим городищем говорит хотя бы такой факт: в одной из черновых записей название трагедии «Борис Годунов» звучит так: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве. Летопись о многих мятежах и пожарах. Писано бысть Алексашкою Пушкиным лета 7333 на городище Ворониче». Это соответствует 1825 году от рождения Христова — разгар Михайловской ссылки.

Собственно, если смотреть ретроспективно на события тех лет, они от нас находятся примерно на таком же временном расстоянии (всего на пару веков больше), как и от Пушкина. И это как-то сближает.

При Пушкине на Ворониче стояла Георгиевская церковь конца XVIII века (погибла в годы войны, но ныне восстановлена). У алтаря этой церкви — могилы Прасковьи Александровны Осиповой, ее второго мужа — Ивана Сафоновича Осипова, отца — Александра Максимовича Вындомского и ее сына — Алексея Николаевича Вульфа.

По рассказам старожилов, рядом с алтарной частью находилась могила дочери Прасковьи Александровны — Екатерины Ивановны Осиповой, в замужестве Фок. Тригорские обитатели почивают рядом со своим домом.

В настоящее время в северной части города — могила директора Пушкинского заповедника Семена Степановича Гейченко (директорствовал с 1944 по 1983 гг.) и его жены Любови Джалаевой Гейченко.

Время вносит свои корректизы.

Святогорский монастырь

Святогорский монастырь находится в четырех верстах от Михайловского. Несомненно, Пушкин бывал там неоднократно. Формально говоря, существовало немало причин, которые заставляли его туда приходить. Одна из них, главнейшая, заключалась в том, что он был здесь не только под светским надзором, но и под духовным. «Отечески» опекал Пушкина и игумен Иона. Он был духовным пастырем Пушкина. И чтобы не получить отрицательной аттестации от духовных властей, не подвергаться ненужным церковным гонениям, поэт обязан был проявлять по отношению к ним лояльность. Тем более что формальным поводом ссылки Пушкина из Одессы в Михайловское было перехваченное властями письмо, в котором Пушкин признается, что берет уроки «чистого афеизма» (атеизма). Надо сказать, что отче Иона к своим опекунским обязанностям относился крайне формально и не докучал Пушкину. Хотя попытки вторгнуться в жизнь поэта все-таки были. Вспомним сцену, когда он внезапно нагрянул в Михайловское, прослышиав о том, что к Пушкину приехал Пущин, и о досадливой реакции Пушкина на этот визит.

Можно назвать и еще важную причину появления Пушкина в Святогорском монастыре — родовое кладбище Ганнибалов-Пушкиных.

Дед поэта, Осип Абрамович Ганнибал, вкладывал определенную сумму денег в монастырь, и когда он умер в 1806 году, его похоронили на почетном месте у алтарной части Успенского собора, близ жертвенника. Там же похоронили и бабку поэта (умерла в 1818 году).

Когда семья Пушкина проводила лето в Михайловском в 1819 году, у Пушкина умер маленький брат, двухлетний Платон Пушкин. Его могильная плита находится внутри собора с незатейливой Карамзинской эпиграфией: «покойся, милый прах, до радостного утра».

В 1836 году, в начале апреля, Пушкин из Петербурга привозит сюда тело матери. Он отслужил панихиду в южном пределе собора (в пределе Одигитрии), после чего внес

в монастырскую кассу необходимую сумму денег и сказал своему спутнику, верному дядьке Никите Тимофеевичу Козлову: «Здесь, Никита, и похоронишь меня».

И года не прошло, как его здесь похоронили. В 1848 году — отца, Сергея Львовича.

Кладбище на Руси принято посещать не только в Троицу. Пушкин бывал здесь и в другие дни. Привлекало его и здешнее общество — монаси (монахи). Он у них учится настоящему, образному, живому, великорусскому языку. Широко известна фраза Пушкина: «Настоящему русскому языку нужно учиться у Московских просвирина» — то есть, в данном случае у простого народа.

Пушкина влекли в монастырь и его исторические интересы. В годы ссылки поэт работает над «Борисом Годуновым». А монастырь был основан еще в 1569 году. И Пушкину, конечно, много говорили седые камни монастыря, история монастыря, библиотека.

Первоначально монастырь возникает как форпост на подступах к Вороничу. Это светская версия.

Церковная же легенда о происхождении монастыря отличается от светской. Это очень длинная история. Суть ее в том, что юродивому пастушку Тимофею с Воронича на одной из местных гор явилась чудотворная икона Божьей Матери Умиления и Одигитрии — путеводительницы: в 1563, потом в 1569. От этих икон, якобы, стали происходить различные чудеса, исцеления болящим. Толпы людей, жаждущих исцелиться от недугов, стекались на эту гору.

Слава о чудотворных местах стала распространяться по всем городам и весям, и, наконец, через воеводу Юрия Токмакова узнает об этом грозный царь Иван Васильевич. «И повеле устроить здесь церковь камену, повеле быть обители во имя Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успенья».

Собор и называется Успенским — в честь успения Божьей матери.

Синичья гора стала называться Святой горой. Монастырь, который возник здесь — Свято-Успенским Святогорским монастырем. Слобода, которая разрослась здесь на месте маленького поселения Тоболенец — Святые Горы. С 1924 года — Пушкинские Горы.

Как бы то ни было, монастырь возник, богател, торговал. В XVII веке он входил в число тридцати больших обителей в России (был двадцать седьмым по счету). Но в Пушкинское время это был обычный, заурядный, провинциальный, третьего класса, монастырек, с небольшим количеством монахов. По мнению некоторых исследователей, выступал в качестве «штрафного» монастыря, куда монахов высыпали со всех уголков России за всевозможные грехи: «пианство», прелюбодеяние, непослушание церковным властям, гордыню, воровство, богохульство, сквернословие и т.д. Они прибывали сюда из различных уголков России, принося с собой свой говор, приметы, пословицы, прибаутки.

Пушкин учится у них настоящему, образному, красивому, великорусскому языку.

Привлекал Святогорский монастырь и своими ярмарками, которые устраивались несколько раз в году. Особенно многолюдна была ярмарка в девятую пятницу после Пасхи — «девятник». Приезжало множество торгового люду со всех уголков псковских. Случались купцы и из Петербурга, Риги, Белоруссии, из Нижнего, даже из самой Москвы. На ярмарках царила многоголосая суeta, весь монастырский двор занимали лавки, часть лавок располагались вне монастыря, за его стенами. Причем, места для лавок стоили довольно дорого, и это приносило ощутимый доход в монастырскую казну.

Пушкин, одетый в простое русское платье, любил бывать на этих «ярманках». Его, видимо, привлекала сюда всегдашняя потребность потолкаться среди простого народа, послушать и записать меткие выражения, народные афоризмы, песни. Любил Пушкин слушать песни слепцов, иногда и подпевал убогим.

Интересно, что он приходил сюда, одетый в простое русское платье. Этот, скажем, не совсем обычный наряд для русского дворянина пушкинского времени порой вызывал недоумение у окрестных помещиков. Не случайно, его Тригорский приятель Алексей Николаевич Вульф за-

метил, что весь Новорожевский «бомонд» (высший свет), увидев Пушкина в подобном наряде, был этим весьма скандализирован.

Вот как сам поэт описывает костюм Онегина (несомненно, такой же был и у него):

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку,
И шляпу, с кровлею как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма удивлена
Псковская дама Дурина,
А с ней — Мизинчиков...

Купец из Опочки Иван Игнатьевич Лапин, увидев Пушкина в таком необычном наряде, у себя в дневнике оставил запись: «Был в Святых Горах о девятой пятнице и там имел счастье видеть Александру Сергеевича, господина Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждью. А например: на голове у него была одета большая соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, железной в руках тростию, а так же с предлинными барабандами, более похожими на бороду, а так же с предлинными ногтями, которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом. Я думаю — не менее полудюжины». Ивана Лапина интересовало в Пушкине все: слава его достигла и этих темных, Опочецких, уголков.

Надо сказать, что в начале монастырь был обнесен обыкновенной деревянной стеной, каменная же появилась значительно позже, в конце XVIII века. Сейчас стены выглядят не очень внушительно, но нужно учесть то обстоятельство, что за века накопился обширный культурный слой, напластование асфальта, особенно с северной стороны.

Как же монастырь выглядел в Пушкинское время?

Ворота, через которые проходят в монастырь экскурсанты, паломники, называются Анастасьевскими. Когда-то напротив этих ворот стояла Анастасьевская часовня. Сейчас на этом месте памятник Пушкину работы Екатерины Балашовой. Это один из лучших памятников поэту на территории России. В эту обой-

му входят: памятник Пушкину на Михайловской площади в Петербурге работы народного скульптора СССР Аникушина, памятник Пушкину в Москве на Страстной (Пушкинской) площади работы Опекушина, молодому Пушкину в Лицейском садике работы Баха. Сюда же можно отнести ряд памятников работы скульптора Комова и так далее.

За Святой Горой, с другой стороны монастыря, находятся Святые ворота.

Сохранилась ограда (валунная кладка) — она была при Пушкине.

До наших времен сохранился и Братский корпус — там жила и сейчас живет братия, там же — трапезная.

Но появились и новые здания, которых не было при Пушкине. В начале XX века около Святых ворот возникло двухэтажное здание — гостиница для странноприемников и гостей.

С пушкинских времен сохранились и две каменные лестницы, ведущие на Святую гору. По ближайшей к Анастасьевским воротам и несли в феврале 1837 года гроб с телом поэта.

Но многое, конечно, пропало. В центре дернового круга внутри монастыря некогда стоял Святой колодец — его будут восстанавливать.

Были, разумеется, и хозяйствственные помещения — складские и прочие.

У ограды с запада стояла Никольская церковь конца XVIII века — погибла в годы войны. За оградой — очень красивая приходская церковь в честь Параскевы Пятницы. Тоже погибла во время войны. Сейчас на этом месте братское воинское кладбище.

Слава Богу, уцелел Успенский собор — типичный образчик Псковского архитектурного стиля.

Как правило, Псковские церкви очень скромны, неприметны, в них не найдешь радужного многоцветья Сузdalских или Московских церквей. Со временем они как бы расползаются по земле, обрастают пределами, притворами, папертями. За исключением двух соборов — кафедральный Троицкий на территории Псковского кремля и Михайловский в Псково-Печорском монастыре — на Псковщине не встретишь церквей

с золоченым куполом. Средневековые псковичи были народом весьма меркантильным — предпочитали вкладывать деньги в создание мощной оборонительной системы. Крепости, равной Псковской, с её мощными каменными поясами («четырехградный Псков»), не было на Руси.

Псков окружал себя небольшими городами, пригородами. Они принимали первые удары многочисленных врагов, не позволяли вражескому войску проникать в глубь территории. Таких городов было много: Изборск, Печоры, Велье, Врев, Выбор, Красный, Остров, Опочка и так далее. На иностранцев такая мощная оборона Пскова производила должное впечатление. Например, поляк Матвей Меховский (XVI век), автор историко-географического трактата о восточной Руси, писал, что «небольшая Псковская земля имеет гораздо больше каменных замков, чем вся Московская Русь». Разумеется, это преувеличение, но оно характерно. И как раз Святогорский монастырь мог возникнуть как крепость на подступах к большому славному городу Воронич.

Заканчивая же разговор об особенностях Псковских церквей, необходимо заметить, что, пожалуй, единственное украшение, которое применяли псковичи, украшая Храмы — это скромный орнамент на главке и на алтарных апсидах: бегунок и поребрик. И если где-нибудь в центральной России вы встретите небольшую ласковую церковь с таким скромным украшением, то с большой долей вероятности можно предположить, что ее строил пскович или новгородец. Ведь псковские мастера «каменосечной хитрости» славились на Руси. Достаточно сказать, что всем хорошо известный Благовещенский собор в Московском Кремле, Духов собор на территории Троице-Сергиевой Лавры построили псковичи. Существует легенда, что знаменитый Московский собор Покрова на рву (собор Василия Блаженного) тоже строили псковичи.

Пушкин, несомненно, знал историю Святогорского монастыря. «История народа принадлежит поэту» — знаменитая Пушкинская фраза. Справедливость ее он продемонстрировал всей своей жизнью.

Он хотел быть похороненным на родо-

вом кладбище у стен древнего Успенского собора. И так уж получилось, что желание Пушкина здесь совпало с желанием правительства, которое опасалось манифестаций, изъявлений, церемоний, «кроме тех, которые полагались бы при погребении тела дворянин».

И в ночь с 3 на 4 февраля 1837 года гроб с телом Пушкина вынули из подвала Конюшенной церкви в Петербурге. Вяземский и Жуковский положили в гроб по перчатке. Вторые их перчатки находятся сейчас на Мойке вместе с Пушкинским прострелянным сюртуком.

Заколотили гроб, положили в ящик. Обернули ящик рогожей. И траурный кортеж «помчался» в Святые Горы.

Сопровождали гроб с телом Александр Иванович Тургенев (причем, на эту роль его назначил сам император Николай Павлович), верный дядька Никита Тимофеевич Козлов (он почти всю дорогуостоял на коленях, обнимая ящик) и офицер жандармского корпуса штабс-ротмистр Ракеев. Впоследствии именно Ракееву выпала сомнительная честь переломить саблю над головой Николая Гавриловича Чернышевского во время его гражданской казни.

Мчались с необычайной быстротой. На станциях уже не приходилось ждать, пока перезаложат лошадей: горе станционному смотрителю, если приехавший жандарм, фельдъегерь, царский курьер, нарочный, не застанет свежей жандармской тройки. Но в данном случае это была просто неприличная скорость — нельзя так возить мертвое тело. Расстояние более чем в 400 верст от Петербурга до Святых Гор преодолели за время, едва превышающее полутора суток.

В ночь с 5 на 6 февраля (по старому стилю) гроб с телом Пушкина стоял в пределе Одигитрии Успенского Храма.

Похороны состоялись рано утром 6 февраля около 7 часов утра. Было темно. Хоронили при свечах и факелах. На похоронах присутствовали Тригорские барышни: Машенька и Катенька Осиповы, крестьяне Михайловского и Тригорского, Тургенев, Козлов, разумеется, Ракеев.

Место для могилы выбрали у северной абсиды Успенского собора. Поставили небольшой деревянный четырехконечный крест. На нем только и было написано — Пушкин.

Рядом могилы деда и бабки его: Иосифа Абрамовича Ганнибала и Марии Алексеевны Ганнибал. Тут же могила матери поэта Надежны Осиповны, позже похоронят и отца, Сергея Львовича Пушкина. В алтарной части — гранитная плита младшего брата Пушкина Платона, умершего во младенчестве.

Памятник на могиле Пушкина появился летом 1841 года. В это время в Михайловском находилась вдова Наталья Николаевна, свояченица поэта Александрина Гончарова, дети Пушкина. Непосредственно работами руководил бывший приказчик Михайловского Михаил Иванович Калашников, который в это время уже жил в Болдине. К сожалению, неизвестен автор этого памятника. Известно лишь, что его сделал петербургский мастер Пермагоров. Многие связывают авторство надгробного памятника с именем Василия Андреевича Жуковского, не только выдающегося поэта, но и незаурядного художника.

У этого скромного обелиска невольно вспоминается Пушкинское:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

Тропа не зарастает. Словно подтверждает великий пушкинский оптимизм:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Как никогда сильно звучат здесь строки великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет.

Петровское

Но вернемся снова немного назад.

Осень 1724 года. Пушкин в Михайловском. Ссылка, которая продлится долгое время, еще только начинается.

Он пишет письмо в Дерпт к поэту Николаю Михайловичу Языкову — с ним он знаком заочно через Алексея Вульфа (напоминаю: Вульф и Языков — однокашники по Дерптскому университету):

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елизаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлаждены леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя...

Но что же натолкнуло поэта на создание очень интересного поэтического образа? Ведь Александр Сергеевич преотлично знал, что его знаменитый прадед — царский арап, арап Петра Великого, давным-давно умер (еще в 1781 году) и похоронен под Гатчиной, в Судье.

А натолкнуло именно то, что до 1819 года в Петровском проживал единственный из оставшихся к тому времени сыновей Абрама Ганнибала — Петр. И был он почти так же черен, как и его знаменитый отец.

Петровское — это, можно сказать, начало начал Пушкинского уголка на Псковской земле. Это такие его произведения, как «Моя родословная», «История села Горюхина», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого».

Пушкина привлекала экстраординарность, если хотите, экзотичность ситуации.

Представим: Псковщина — исконно-посконная, русская, кондовая, избянная — и вдруг тут появляются необычные люди: энергичные, черные, совсем непохожие на местных.

Его интересовало Петровское еще и потому, что жизнь прадеда Абрама Петровича Ганнибала во многом напоминала, особенно в первой ее части, авантюрный роман.

Он родился в 1696 году в центральной Африке. Потом судьба занесла его в Турцию. Существует много толков и домыслов о его происхождении. По одной из версий он был сыном какого-то местного правителя, которого вместе с другими членами его семьи турки вывезли в Турцию.

В то время в России и в Европе была мода на чернокожих слуг, и Петр Первый попросил своего поверенного Савву Рагузинского прислать ему какого-нибудь арапчонка. Заметим в скобках, что арапами на Руси звали не только жителей Аравийского полуострова, но и вообще смуглых и чернокожих людей.

Петру Первому очень понравился бойкий смышленый мальчишка. Он возил его всюду за собой, учил грамоте, крестил в Вильне. До сих пор в центре Вильнюса стоит православная Пятницкая церковь, где крестили Ганнибала. Крестным отцом его был сам Петр Первый, а крестной матерью — заочно польская королева Христина-Эбергардина, жена польского короля Августа 2.

Любопытно, что при крещении ему дали имя Петр. Но, как Пушкин пишет, «Он пласал, не желая расставаться со своим прежним именем, и ему разрешили зваться Абрамом» (христианский аналог Ибраима). Отчество дали по Петру — Петрович, ну а такую звучную фамилию — Ганнибал — он выбрал себе сам, желая, видимо, выделиться из массы людей, которые и вовсе не имели фамилии. Он, вероятно, ощущал себя достойным носить такую фамилию, тем более что он, как и исторический Ганнибал, был тоже родом из Африки. А до этого его звали просто — Абрам Петров или еще куда проще-то — Абрам-арап.

Маленький Абрам-арап рос постоянно при особе государя. Он был для Петра и денщиком, и секретарем, и просто мальчиком на побегушках. Он рос в атмосфере великих свершений Петровских, участвовал в таких грандиозных баталиях со шведами, как битва при селе Добром, при Лесной, Полтава, Гангут...

А в 1717 году Петр Первый отправляет его учиться за границу во Францию «разным наукам, главнейшей же инженерству». Молодой России очень нужны свои инжене-

ры. Возможно, отправляя Ганнибала учиться, Петр преследовал и такую цель: доказать русским недорослям, часто уклонявшимся от такого непосильного «бремени», как учеба да еще и за границей, что, вот де, и арап может выучиться.

Во Франции Ганнибал живет около пяти лет. Он учится в военно-инженерной школе и получает профессию военного инженера, фортификатора, строителя крепостей.

Надо признаться, что пребывание Ганнибала за границей вовсе не было таким беззобачным, какое можно получить, читая Пушкинскую повесть «Арап Петра Великого». Он часто испытывал нужду, деньги из России за учебу приходили нерегулярно, с большими задержками. Но в итоге, знания, полученные им во Франции, были настолько обширны, глубоки, что по приезде в Россию он их суммирует и издает свой собственный труд по геометрии и фортификации (строительство и укрепление крепостей). И он мог с полным основанием сказать о себе, что «времени зря не терял и денег государевых зря не проживал».

По приезде в Россию Петр Первый дает ему чин поручика бомбардирской роты Преображенского полка. Это высокий чин, если учесть, что сам Петр-I был одно время капитаном Преображенского полка. Тем более, если учесть, что Преображенский и Семеновский полки — первые привилегированные гвардейские полки в России, которые набирались Петром Первым еще из потешных.

Ганнибал обучает военным наукам офицеров Преображенского полка, участвует в строительстве Кронштадтской крепости и как простой землемер, и как инженер. Карьера его складывается на редкость удачно: ему покровительствует Петр, он любимчик императора. Но наступает роковой для Ганнибала, а для себя заметим, и для России 1725 год — Петр Первый «умре».

Нельзя сказать, что карьера Ганнибала круто изменилась. Он по-прежнему пользуется доверием при дворе, его уважает вдова императора — императрица Екатерина I. Но в 1728 году умирает и она. В то время власть Александра Даниловича Меньшикова была неограниченной. И, опасаясь влияния Ганнибала на определенные круги, Меньшиков

удаляет Абрама Петровича в Сибирь. Помимо всего прочего, Меньшиков подозревает Ганнибала в измене, «понеже он человек иностранный».

Но эта сибирская ссылка с удалением Ганнибала подальше, по сути дела, была служебной командировкой. Ганнибал проектирует крепости в Селенгинске, Иркутске... Один только раз он был под арестом по какому-то незначительному поводу.

Затем, благодаря протекции графа Михаила, получает ряд незначительных должностей в Истляндии (Эстонии), был обер-комендантом Ревеля. Приобретает мызу Рахула, Харьяккула. Но, в общем-то, должности в Истляндии не отвечали его могучим потенциальным возможностям — он явно мог и претендовал на большее.

Семейная жизнь его складывается неудачно. Был женат на красавице-гречанке, дочери греческого шкипера Евдокии Деопер. Но брак был не по любви, по сути ее выдали насильно замуж за арапа. Предание о неудачной женитьбе своего прадеда нашло у Пушкина отражение в таком незаконченном отрывке:

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышень арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударышку —
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Необычность положения арапа в России обуславливается его чернотой. Это было не-привычно для россиян, по крайней мере, XVIII века. Следует длительный, очень длительный бракоразводный процесс с первой женой. И последнюю точку ставит святейший Синод спустя двадцать лет после начала бракоразводного процесса.

Но до этого Абрам Петрович успел жениться на полунемке-полушведке, дочери пленного шведского капитана, Кристине-Регине фон Шеберх. По-русски ее звали Кристина Матвеевна. Имя ее отца — Матиас. Формально говоря, все дети, родившиеся от этого брака, были незаконнорожденными. Произошло недоразумение: Абрам Петрович

считал себя свободным от первого брака с Евдокией Диопер — расторжение брака было зафиксировано полковым начальством. Но к тому времени правила изменились: брак мог расторгнуть лишь святейший Синод.

Брак с Кристиной Матвеевной оказался удачным. Супруги жили в любви и согласии. От второго брака у него родилось одиннадцать детей. Имена девятерых мы знаем. Семеро дожили до зрелого возраста: три дочери (имена царские — Анна, Елизавета, Софья, причем последняя Софья родилась, когда отцу было 62 года) и четыре сына (Иван, Петр, Иосиф, Исаак). Иосиф Абрамович Ганнибал — дед Пушкина.

У всех сыновей Ибрагима Ганнибала была, в общем-то, не очень счастливая семейная судьба. Иван Абрамович Ганнибал (впоследствии его будут называть «Чесменский герой, покоритель Наварина») дослужился до генеральского чина, вообще не был женат. Друг Суворова, он пользовался громадным уважением в военной среде, был непрекаемым авторитетом при разборе семейных тяжб. Умер в 1801 году, похоронен в Александро-Невской Лавре в Лазаревской усыпальнице. Его могила, которую украшала незатейливая эпитафия, сохранилась. Текст эпитафии гласит: «*Зной Африки родил, хлад кровь его покоил, России он служил, путь к вечности устроил. Стенащий по нем родня его и ближний, с усердием ему сей памятник воздвигли.*».

В одной из комнат Петровского музея есть портрет Ивана Абрамовича Ганнибала неизвестного автора, возможно, Левицкого. Судьба других сыновей — Петра, Иосифа и Исаака — менее значительна. Впрочем, к ним мы еще вернемся.

Петровское включено в состав заповедника позже всех его мемориальных комплексов. Хотя вообще-то вопрос о включении Петровского в состав заповедника встал еще накануне Великой Отечественной войны. Но война помешала этому осуществлению.

И только после войны производится очистка Петровского парка, лечение старых деревьев, удаление из парка лишних хозяйственных построек. Наконец восстанавливаются и господский дом. К глубокому сожалению, все мемориальные дома, в которых

бывал Пушкин, не сохранились, погибли в 1918 году.

Дом двоюродного деда Пушкина Петра Абрамовича Ганнибала восстановили в 1977 году. А к 200-летию со дня рождения Пушкина восстановили и первый Ганнибаловский дом, построенный в Петровском еще Абрамом Петровичем Ганнибалом. И в том, и в другом доме экспозиция говорит о славном африканском племени — о Ганнибалах.

У входа в первый дом Ганнибала — бюст хозяина дома, Абрама Петровича Ганнибала (работа Елены Косовой). Таким, по мнению скульптора, мог быть прадед поэта, африканец и генерал-аншеф русской армии Ибрагим Ганнибал.

Ни один африканец — ни до, ни после Ганнибала — не занимал столь высокого чина в Российской военной иерархии: генерал-аншеф! Следующий после этого чин — только маршальский или фельдмаршальский. Но, увы, этого высшего чина (полный генерал) Абрам Петрович так и не получил.

Дом невелик: три жилые комнаты наверху, да в цокольном помещении поварня. Построен в стиле прибалтийских мыз — разумеется, влияние Прибалтики, где долгое время прожил Абрам Ганнибал.

Первый дом Ганнибала

Со стороны пруда в верхние комнаты ведет внешняя (уличная) лестница.

Первая маленькая комната — прихожая. Справа при входе — старинная конторка, тут же овальный кожаный сундук. На стене портрет графа Миниха, человека, который сыграл положительную роль в судьбе прадеда Пушкина, — именно благодаря его протекции, Абрам Петрович, сосланный Меньшиковым, сумел вырваться из Сибири.

Капля воображения, и можно представить себе сидящего за конторкой, что-то торопливо пишущего черного Ибрагима Ганнибала. И даже можно представить, что именно... На столе конторки — прошение на имя императрицы Елизаветы с его просьбой получить грамоту «на собственный герб и Российское дворянство».

Он имел все основания быть Российским

дворянином. Дворянство давалось людям, достигшим чина майора, а он уже был генерал-майор. Прошение написано в стиле XVIII века с «пунктами», в которых он обосновывал свое право быть дворянином. Начинается оно несколько унизенно: «Родом я, нижайший, из Африки...» А заканчивается так: «...а грамоты на герб и дворянство не имею и не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет».

Нужно сразу сказать, что никаких данных о планировке этого дома не имеется. Сохранились лишь старые фотографии внешнего вида дома. Но, как и что располагалось внутри, кто где жил — неизвестно. И, создавая экспозицию в этом доме, использовали принцип типологии.

Примыкающая слева к прихожей комната называется условно — «опочивальня». В этой комнате видим портреты Петра Первого (гравюра Чемесова с оригинала Натье), его дочери Елизаветы (тоже гравюра Чемесова с оригинала Танне). Формально говоря, именно этой даме мы обязаны тем, что сейчас здесь находимся.

Зять Ганнибала А. К. Роткирх в «немецкой биографии» Ганнибала пишет: «Тут в другой раз приблизился к нему момент его счастья. Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, вступила на отцовский трон, принадлежавший ей по праву. Тот, кого она знала слишком хорошо, написал ей только эти слова: «Помяни мя, Господи, егда приидеш во царствие свое». Елизавета «помянула», вернувшись из «ссылки» и щедро одарив царского приемника.

На секретере — листки бумаги из книги Абрама Петровича Ганнибала по геометрии и фортификации, тот самый труд, который создал он по приезде из Франции. Здесь же — сия самая книга.

Рядом — кубок с вензелем императрицы Елизаветы, дщери Петровой, стоящий здесь по праву.

Посреди этой довольно обширной комнаты — широкая кровать под небольшим балдахином. По обе стороны кровати — гравюры с видами сибирских городов, где во время полуопалы бывал Абрам Петрович.

Около окна в углу мемория — икона из рода Ганнибалов. На обороте надпись, сде-

ланная стариным почерком XVIII века: «1725 года привезен образ из Италии Обрам Петровичем Ганнибалом». Сопоставим это с семейным преданием Ганнибалов о том, что Петр Первый благословил своего крестника по возвращении его из-за границы образом Петра и Павла.

Рядом на столе довольно популярная в тридцатые годы в России книга — французский автор Фенелон в переводе Василия Тредиаковского «Езда в остров любви.» Книга пользовалась громадным успехом среди читающей российской публики того времени.

Здесь же очень толстый фолиант: Библия на немецком языке — конец XVII века. Жена Ганнибала, Кристина Матвеевна, несмотря на то, что десятки лет прожила в православной России, так и не удосужилась принять православие, оставалась лютеранкой. Пастор Кадетского корпуса в Петербурге Геннинг так характеризовал жену Абрама Петровича (1750 г.): «Госпожа Генеральша, впрочем, очень утонченная дама с хорошим характером и находится сейчас в самом расцвете сил».

К опочивальне прилегает «детская». В 1746 году в Петровское приезжает Кристина Матвеевна и привозит сюда пятерых детей. Старшей, ее падчерице Евдокии, было уже пятнадцать, Анне — девять, Елисавете — восемь, Петру, будущему хозяину Петровского, — шесть, а Иануарию (переименованному впоследствии в Осипа), будущему хозяину Михайловского — один год и девять месяцев.

Убранство комнаты соответствует ее назначению: тут и детская мебель, и деревянные детские игрушки, и детские учебники.

Уникальный экспонат: сундук западноевропейской работы конца XVI — начала XVII веков: макет 52-пушечного четырехмачтового линейного корабля. Практически все Ганнибалы имели какое-то отношение к морю. Прадед поэта Абрам Петрович Ганнибал был непосредственным участником в знаменитой морской баталии при Гангуте. Иван Абрамович Ганнибал командовал брандерами — начиненные порохом, смолой, другими горючими веществами суда, целью которых был подрыв неприятельского кораб-

ля, часто ценой собственной гибели. Родной дед Пушкина Осип Абрамович Ганнибал был флота артиллерии капитан 2 ранга; двоюродный дед Исаак Абрамович — флота артиллерии капитан 3 ранга. Так что здесь вполне оправдано наличие двух очень маленьких потешных пушек.

Среди детских учебников стоит обратить внимание на старинные прописи и замечательную книгу юности «Честное зерцало» — свод правил, нравоучений, сентенций, молодым людям петровского и послепетровского времени, вступающим во взрослую жизнь. Не так давно вышло репринтное издание этой замечательной книги, достать которую совершенно невозможно.

Дверь из этой комнаты ведет на балкон и лестницу, спускающуюся к поварне. Проследуем туда и мы.

Поварня

Кухня, или поварня, в доме Абрама Петровича Ганнибала устроена на европейский манер: с шатровой печью, как это было принято в домах вельмож. Аналоги такой печи можно встретить в Летнем дворце Петра Первого в Петергофе, в Монплезире и Марли, во дворце Меньшикова в Петербурге.

В кухне-поварне семья и обедала. Здесь же могли принимать и угождать обедом гостей. В центре — дубовый обеденный стол XVIII века русской работы, но на манер голландских, с толстыми витыми ножками. Рядом — великолепный буфет из орехового дерева. Невозможно не заметить на буфете выделенную цифрами дату: 1750 — год сооружения. Посуда медная, оловянная, керамическая, стеклянная, деревянная и проч. Трапезы длились долго, было несколько перемен (блюд). В «Руслане и Людмиле» Пушкин пишет:

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.

В углу лаз ведет в подвал. Когда хозяином Петровского стал Петр Абрамович Ган-

нибал, он устроил нечто вроде винокуренного производства. Там экспериментатор Петр Ганнибал возводил различные наливки и настойки в известную «степень градусности». Так как производство это достаточно опасно, то случались пожары, взрывы. Об этом говорят не только воспоминания современников, но и обожженные куски дерева, найденные там во время реставрации.

А вот как сам Пушкин описывает первое знакомство со своим двоюродным дедом. Эта запись относится к его первому приезду в сельцо Михайловское в 1817 году, когда еще совсем юный поэт рискнул отправиться в гости к знаменитому деду: «Попросил водку. Подали водку. Выпив, он велел и мне поднести. Я выпил, не поморщившись, чем, казалось, очень одолжил старого арапа. Через четверть часа процедура повторилась и так до обеда раз пять или шесть.» Конечно, общение с таким человеком не могло не занимать поэта. Ведь это был живой отголосок истории, источник всякого рода исторических сведений, анекдотов (заметим, что в слово «анекдот» тогда вкладывали смысл несколько отличный от сегодняшнего).

В одно из посещений Пушкин и получает от Петра Абрамовича бесценный дар — рукописную биографию Абрама Петровича Ганнибала, написанную на немецком языке его зятем Роткирхом (мужем Софии Абрамовны). Берет из рук Ганнибала колоритные записи самого Петра Абрамовича. Эти документальные источники очень помогут Пушкину, когда он будет работать над своей первой художественной вещью в прозе «Арап Петра Великого» (1827 год).

К сожалению, эта прекрасная повесть осталась неоконченной — повесть о молодой России, которая, как отмечает Пушкин, «вашла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топоров и громе пушек». Не случайно, в центр повествования Пушкин ставит своего прадеда, участника многих сражений, настоящего «питомца гнезда Петрова».

Осмотром этого маленького домика не ограничивается знакомство с Петровским. В большом деревянном двухэтажном доме, построенном в 70-х годах XVIII века Петром Абрамовичем Ганнибалом и восстановленном

заново в 1977 году, размещается основная часть экспозиции, посвященная роду Ганнибалов.

Дом Петра Абрамовича Ганнибала

Не лишне еще раз повторить, что никаких документов, касающихся планировки домов в Петровском, не сохранилось. Поэтому комнаты в музее достаточно условны. Первая комната, вернее довольно просторный коридор с небольшой лестницей — это «сени». Сразу же обращает на себя внимание фамильный герб Ганнибала. Это увеличенная копия с печатки Абрама Петровича Ганнибала. По этому гербу можно прочитать вкратце историю их рода.

На овальном поле — слон — символ его африканского происхождения. Корона — он был сыном владетельного князька в Африке. Элементы польской короны — крестной материю Ибрагима Ганнибала была польская королева, жена Августа Второго Христиана-Эбергардина. Штандарты, знамена, ядра, пушки — все Ганнибалы были военными людьми и ревностно служили своему новому отечеству, России. И латинские буквы «FUMMO». Это — аббревиатура, первые буквы от латинских слов, перевод которых обозначает: «Фортуна жизнь мою изменила необычайно».

На угловой стенке — генеалогическое древо Ганнибалов-Пушкиных. В самом низу встречаем два имени: Абрам Петрович Ганнибал и Кристина Матвеевна Шеберх. Дальше — множество имен, и венчает древо имя — Александр Сергеевич Пушкин.

В незаконченной поэтической поэме «Езерский» Пушкин пишет:

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина...

С гордостью Пушкин пишет: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории». «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оных — есть постыдное малодушие». Среди

множества предков поэт особенно выделял три ветви: Пушкины, разумеется, — стариннейший боярский род; Ганнибалы, естественно, и Ржевские. По линии прабабки, Сарры Юрьевны Ржевской, Пушкин — Рюрикович.

Условное название соседней комнаты — Прихожая.

Прихожая

По завещанию, составленному Абрамом Петровичем Ганнибалом незадолго до смерти, все свои Псковские, благоприобретенные Петербургские земли он отказал старшему сыну Ивану. Абрам Петрович, человек Петровской эпохи, был сторонником майората. По этому закону о наследовании — все отцовское имущество, земли — доставались старшему, а младшие должны служить. Этот закон Петр Первый ввел, чтобы не дробить имения.

Но закон о майорате не привился в России. Он был упразднен еще при императрице Анне Иоанновне. Ганнибал не мог не знать об этом. И так уж получилось, что после смерти его сыновья нарушили волю родителя и разделили отцовские земли и имущество между собой. Наследники, «поговоря между собою», решили «движимое и недвижимое имение, состоящее в разных губерниях и уездах... полюбовно разделить, и досталось... Петру... в Псковском наместничестве, в Опочецком уезде, в Михайловской губе деревня Кучане, что ныне сельцо Петровское...»

На стене в прихожей — межевой план владений Петра Абрамовича Ганнибала 1786 года (уменьшенная копия).

К сожалению, как уже указывалось, не осталось достоверных изображений Ганнибалов в Петровском. И на фотографиях, переснятых только в 1914 году из журнала «Столица и усадьбы» мы можем видеть, каким был Петровский дом в начале XX века.

Уже отмечалось, что крайне мало мемориальных вещей в Петровском. Каждая — буквально на вес золота. На стенке висит фрагмент обшивки кресла Петра Абрамовича Ганнибала, а на горизонтальных витринах — вещи, которые были найдены во вре-

мя раскопок: фрагменты посуды, гвозди, монеты и любопытнейший экспонат — слоник, выполненный из зуба лошади.

Уже говорилось, что никаких данных о планировке дома нет. И сейчас перед нами анфилада комнат, в которой воссоздана жилая обстановка хозяев этого дома. Первая комната — кабинет Петра Абрамовича Ганнибала, человека, построившего этот дом, придавшему ему именно тот вид, который и мог застать Александр Сергеевич Пушкин.

Кабинет Петра Абрамовича

Пушкина очень интересовала история Ганнибалов, не только история прадеда, но и его двоюродных дедов. Хозяйке Тригорского Прасковье Александровне, уехавшей ненадолго с семьей в Ригу, Пушкин пишет: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как полагаю, не сегодня-завтра умрет. А между тем, мне необходимо раздобыть у него записки, касающиеся моего прадеда».

Петр Абрамович Ганнибал родился в 1742 году в Ревеле. Окончив военное училище, он служил на юге России при своем талантливом брате Иване и в конце 70-х годов уже был полковником. Карьера, безусловно, удалась. Но, увы, карьеру пришлось прервать из-за одного очень неясного, смутного обстоятельства. Его обвинили в растрате каких-то артиллерийских снарядов. Ему угрожало следствие, возможно, тюрьма, если бы не заступничество старшего брата Ивана. Но карьера пострадала.

Обычно, если это была не «отключка» (т. е. изгнание), то при выходе в отставку добавляли следующий чин. И Петр Абрамович вышел в отставку в чине генерал-майора.

Это был человек очень грубый, вспыльчивый. У него были дети от первого брака с немкой Ольгой Григорьевной Даннестерн. И, прожив со своей женой несколько лет в одном из ее имений под Казанью, а затем под Петербургом, он оставляет свою жену. Приезжает на Псковщину и пишет отсюда ей письмо, в котором просит, скорее, даже требует, чтобы она «для успокоения его на гла-

за ему более бы не показывалась, а получала приличествующее ей жалованье». Приехав сюда, он связался с некой девицей Лихачевой. Потом та уехала, и он живет здесь один лет сорок.

Вспоминается Пушкинское:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел да мух давил.

Естественно, общение с таким человеком не могло не занимать Пушкина. Как и нас не могут не занимать лежащие на столе некоторые экспонаты и, прежде всего, «жалованная грамота» за подпись Императрицы Елизаветы Петровны, датируемая 1746 годом. Это официальный документ (копия), который подтверждал право владеть Ганнибалу этими землями.

Рядом — писарская копия письма великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла Первого) Ивану Абрамовичу Ганнибалу. В этом письме Павел Петрович поздравляет Ивана Ганнибала с присуждением ему ордена Анны. «Господин Цейхмейстер Ганнибал! Для изъявления Вам осабливого Монаршаго Государыни моей Матери удовольствия и ревности, и усердной службы вашей соизволяет Ея Величества на принятия вас в число Кавалеров моего ордена Святые Анны, знаки которого препровождаю Я к вам с тем, чтоб вы, возложа их сами на себя, носили к вящему поощрению Вашему. Впрочем я пребываю со всеми благосклонным Павел

В Москве
Сентября 1775 года».

Письмо (копия) императрицы Екатерины Второй. Здесь же ее портрет — копия с оригинала художника Лампи 1790 г.

В этом письме она советуется с Абрамом Петровичем Ганнибалом, где можно найти документы Петра Первого, касающиеся его указов об обустройстве Петербурга: «Мне небезызвестно, что многие чертежи в сохранении Вашем находились... Сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги».

Так уж получилось, что Петр Абрамо-

вич Ганнибал оказался хранителем семейных реликвий Ганнибалов. По полюбовному семейному соглашению, сделанному братьями после смерти отца Абрама Петровича, все документы, мебели, книги, какие-то ценностей, достаются Ивану Абрамовичу. Но Иван Абрамович не был женат. Он умер в 1801 году, и после него все переходит следующему по старшинству — Петру Абрамовичу. Здесь уместно процитировать письмо Абрама Петровича Ганнибала его сыну Петру — в копии это письмо лежит на стеллаже. Нет смысла ретушировать, подглаживать слог XVIII века, иначе пропадает колорит эпохи: «Сын мой Петр Аврамович. Присланное от тебя щет столярной работы в каменных покоях я видил весма безмерная цена и мне несносная. При сем посылаю табель почему оне подряжчики требуют и почему давать на поле от меня написано в тойжи табели, а когда по моей цене показанной не возмут то и нужды до них нет и наши столяры по возможности могут поставлять хоть и не скоро и не вдруг.

А тебе рекомендую сколко потребно передить купить сухия доски сколко потребно для полов понели ставни и прочее. Брат твой купил мне белей мех, которой зимой негреет а летом непреет, того ради приторгуй белей мех сибирской по средней цене и ко мне подписать что ребуют за такой мех.

А Евстрату без моего писма денег ни на что. Ваш доброжелатель отец А Ганнибал.

Ежеле и можно достать галандских седей настаящих и постарайся (нрсб) можно ноября 10 дня 1780 года.

P.S. Писмо мое твоему брату Ивану ты держал у себя более двух месяцев и я уповаю чтобы оно и было послано.

Сыну моему Петру Авраамовичу Ганнибалу Санкт Петербурхе».

К сожалению, неизвестно о каких каменных покоях в «Петербурхе» идет речь.

В этой комнате находятся ценнейшие вещи, то, что мы называем меморией: Минея (жития святых) за сентябрь 1768 года с вкладной записью Ганнибала для Воскресенской церкви в Суйде (под Гатчиной). И книга Дмитрия Кантемира «Система, или состояние Мухамеданской религии», СПб. 1722.

Уже упоминалось об условной планировке этого дома.

Комната, следующая в общей анфиладе, — гостиная.

Гостиная

Старинная мебель начала XIX века. На стене икона «Троица». В центре старинный рояль 1839 года марки Штурцваге.

У хозяина, построившего этот дом, был сын — Вениамин Петрович Ганнибал. Практически, начиная с 1819 года, он и был его хозяином.

Веселый, жизнерадостный человек, увлекался словесностью, поэзией, любил музыку. Любил своих родственников. Вот какое письмо он пишет своей племяннице, сестре Пушкина, Ольге Сергеевне Павлищевой по случаю рождения у нее сына Льва — будущего Льва Николаевича Павлищева. Это относится к 1834 году.

«...даю слово Ганнибала, что родственные мои чувства всегда останутся такими же как были... Посылаю завтра крестик для твоего ребенка. Напиши мне, а писать твоему дяде — ей-богу следует. Стыдно, стыдно, не писать, честное Ганнибаловское слово. Пожалуйста, напиши, да поскорее: похож ли он на Ганнибала, то есть черномаз ли львонок-арапчиконок или белобрысый?»

Возможно, к сожалению Вениамина Ганнибала, племянник Пушкина был весьма белобрыс.

Вениамин Петрович был человек очень яркий. Хлебосол, балагур, ухажер, забавник. Музыкант-меломан. Переложил на музыку песню Земфиры из поэмы Пушкина «Цыганы». И эта песня пользовалась громадным успехом среди здешних помещиков.

Почему-то он не был на похоронах Александра Сергеевича Пушкина, хотя в это время, пожалуй, единственный из всех близких родственников, находился в деревне. Мы не знаем, почему. Разумное объяснение — был болен. Хотя, можно предположить и другой вариант — был оскорблен невниманием. Человек вспыльчивый, склонный к неразумным поступкам, он мог оскорбиться, что ему не сообщили вовремя о гибели племянника.

Хотя это не выдерживает никакой критики. Тело Пушкина увозили тайно, ночью, никто не знал. И на рассвете, когда еще было темно — похоронили в монастыре.

Впоследствии Вениамин Ганнибал очень сожалел, что не был на похоронах гениального племянника.

В этой комнате есть Ганнибаловская мемория — ваза фарфоровая для цветов из семьи Ганнибалов. Здесь же — портрет Александра Сергеевича Пушкина неизвестного художника, 1830-е годы, и предполагаемый портрет троюродной сестры поэта Евгении Петровны Ганнибал.

Соседняя комната условно называется кабинет Вениамина Петровича Ганнибала.

Кабинет Вениамина Петровича

Здесь мебель первой трети XIX века, икона Иоана Предтечи и великолепный портрет Императора Александра I — человека, которому Пушкин, по собственному выражению, «подсвистывал до самого гроба». Это копия XIX века с оригинала Лебрена.

В комнате Вениамина Ганнибала есть очень ценная мемория — шкатулка для чая, принадлежащая самому хозяину, — выполнена из красного дерева. Чай был дорог, его хранили в шкатулках и в особых местах, запираемых под замочек.

Здесь же миниатюра с портретом двоюродного дяди Пушкина — Павла Исааковича Ганнибала. Храбрейший офицер, участник Отечественной войны, был не чужд поэзии, любил и Александра Сергеевича. А Пушкин просто обожал своего дядю. И особенно нравилась ему песенка Павла Исааковича.

Представьте, открывается дверь, входит Павел Исаакович и напевает:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Неужели Ганнибал?
Сделай милость, Ганнибал,
Свет Исаакович, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Фу ты, пропасть, Ганнибал!

Это обожание своего дяди не помешало Пушкину вызвать его на дуэль: на одном из деревенских балов (может, это произошло в Воскресенском, в Тригорском или в самом Петровском) он отбил у племянника во время исполнения одной из фигур катильона девицу Лошакову, в которую, несмотря на то, что она была стара, дурна собой, вдобавок имела вставные зубы, Пушкин влюбился по уши.

Но дуэль не состоялась. Дядя преподнес Пушкину экспромтом сочиненные стихи:

Хоть ты Саша среди бала
Вызвал дядю Ганнибала,
Но ей Богу, Ганнибал
Ссорой не подгадил бал.

Инцидент был исчерпан.

У Павла Исааковича была сложная судьба. В 1826 году его арестовали. Какое-то время считалось, что его арест был сопричастен к делу о декабристах. Но нет: в «Алфавите декабристов» не встречается его имя. Многие родственники Пушкина попали в этот пресловутый «Алфавит». Но не Павел Исаакович.

Предполагается, что арест его сопровождался нелогичной туманной формулировкой, видимо присущей только российскому законодательству, а именно «Арест без объявления за что». В этих случаях, как правило, дело касалось оскорблений царской фамилии. Ведь тогда Россия была наводнена сопляками, шпионами, и, возможно, какие-то неосторожные или неправильно интерпретированные слова Павла Ганнибала стали известны жандармскому корпусу.

Несколько лет его держат в одной из самых мрачных тюрем России — на Соловках. Человек надломлен, смиряется. И архимандрит Досифей осторожно намекает Бенкендорфу, что Павлу Исааковичу можно определить на жительство какой-нибудь заштатный городок России. Ему определяют на жительство — Лугу. В настоящем — современный, зеленый, красивый городок, в пушкинское время производил впечатление убогого городишко. Когда в 1817 году Лугу, проездом в Михайловское, посетил Пушкин, у него родились такие стихи:

Есть на свете город Луга
Петербургского округа,
Хуже б не было сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Определили пенсион Павлу Исааковичу Ганнибалу, по некоторым источникам, 5 копеек в сутки. В страшной бедности он жил там. Умер в 1841 году, там же и похоронен.

Такой же удалю, неукротимостью, отличался и его брат Петр Исаакович Ганнибал. Про них племянник Пушкина Лев Николаевич Павлищев сказал так: «Они были олицетворением пылкой африканской и широкой русской натуры, бесшабашные кутилы, но люди такого чистого и честного сердца, которые для того, чтобы выручить человека из беды, готовы сами лезть в петлю».

Парадная зала (столовая)

В центре — довольно большой овальный стол, за которым одновременно могли уместиться чуть ли не полтора десятка человек.

По обычным дням для обедов могли пригодиться и маленькие комнаты: кабинет, гостиная. Здесь же обедали по особо торжественным случаям: именины, государственные праздники, именины царственных особ.

Отсюда открывается вид на парк с перспективой на озеро Кучане. У Пушкина в «Дубровском» мы встречаем: «Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид...»

Стол при надобности можно было легко убрать, и комната превращалась в большую танцевальную залу. Вспомним у Пушкина — бал во время именин Татьяны Лариной:

И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

Обращает на себя внимание висящий слева на стене портрет Ивана Абрамовича

Ганнибала (копия с работы неизвестного художника XVIII века). Его иногда называли «Наваринский» Ганнибал. В битве при Наварине он, как уже упоминалось, командовал брандерами (небольшие суда, начиненные порохом, смолой и прочими горючими веществами, целью которых было поджечь неприятельское судно ценой гибели собственного).

Иван Абрамович отличился и в битве при Чесме, когда русский флот на голову разбил во много раз превосходящий турецкий флот — вспомним Чесменскую колонну в Царском селе, где среди участников славной битвы обозначено и его имя.

В стихотворении «Моя родословная» Пушкин пишет:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь Чесменских пучин
Громада кораблей вспыхала,
И пал впервые Наварин.

Пушкин употребляет слово «впервые», потому что и в дальнейшем при Наварине происходили битвы, неизменно заканчивающиеся победой русского оружия.

Выше уже говорилось, что Абрам Иванович Ганнибал похоронен в Александро-Невской Лавре.

Рядом с портретом — гравюра «Битва при Лесной» (1708 год). Петр Первый назвал эту битву «Матерью Полтавской победы». То есть, не будь победы в битве при Лесной, может, не было бы и славной Полтавы. Это гравюра Николая Лармессена с картины Пьера Дени Мартена-младшего (начало XVIII века). В этой битве, как и в ряде других битв, участвовал будущий прадед поэта Абрам-арап. Художник счел нужным запечатлеть его. Вы видите юношу в чалме, примерно в возрасте 13-14 лет. По-видимому, это и есть он, знаменитый прадед Пушкина.

Пушкин в письме к брату в начале 1825 года пишет: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы».

На противоположной стене мы видим еще

одну гравюру, но это уже изображение морской баталии: «Битва при Гангуте» (1714 год). Совсем молодой, неоперившийся русский флот наголову разбил в этой битве опытных шведов. С этого поражения могущественного врага начинается гегемония Российского флота на Балтике и закат шведского владычества.

На противоположной стенке — портрет Петра I работы неизвестного художника XVIII века, рядом — раскрашенная гравюра: знаменитая «Полтава» (1709 год). Глядя на эту картину, невольно вспоминается Пушкинское:

Далече грянуло «Ура»!
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могуч и радостен как бой,
Он поле пожирал очами.
За ним во след неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова,
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны,
Его товарищи, сыны,
И Шереметьев благородный,
И Брюс, и Боур и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...

«Счастья баловень безродный» — это, конечно, Александр Данилыч Меньшиков.

В своих незаконченных воспоминаниях хозяин этого дома Петр Абрамович Ганнибал пишет, имея в виду своего отца: « Воспитан при дворе персонально... государем Петром Великим, был при всех тех походах и баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, был у государя в великой милости...»

Небольшая экспозиция располагается и в коридоре.

Коридор

Обращает на себя внимание старинная карта Российской империи, изданная в 1745 году. На этой карте Каспийское море еще называется Хвалынским. Красными пятнышками здесь отмечены места, где приходилось

быть прадеду поэта Ибрагиму Ганнибалу. Судьба бросала его по России. Тут и восточные города — граница с Китаем: Кяхта, Селенгинск. Ближе к западу — Иркутск, Тобольск... А европейская часть карты России вся «утыканы» этими кружочками.

На витринах вертикальных и горизонтальных — фрагменты из записок и Пушкина, и Петра Абрамовича Ганнибала. В частности, уже упомянутый отрывок из письма хозяине Тригорского (август 1825 года): «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет. А между тем, мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда».

Пушкин получает эти записки, и здесь же на витрине можем прочитать отрывок из воспоминаний Петра Абрамовича Ганнибала: «Отец мой служил в Российской службе, происходил в оной чинами и удостоился генерал аншефа чина орденов святых Анны и Александра Невского, был негер, отец его был знатного происхождения, то есть владельческим князем, и взят в омонаты. Отец мой константинопольского двора из оного выкраден и отослан к государю Петру 1-вому».

Здесь же фрагменты так называемой «немецкой биографии Абрама Петровича Ганнибала», написанной его зятем Роткирхом, мужем его младшей дочери Софии Абрамовны. Здесь же и отрывки из романа «Евгений Онегин», из стихотворений Пушкина «Как жениться задумал царский арап», послание поэта «К Языкову».

Очень интересны стилизованные автопортреты Пушкина в образе арапа. Обращает на себя внимание Ганнибаловская мемория: ваза из Петровского, найденная на берегу озера Кучане.

Примечателен и реестр книг генерала Ганнибала, служной список Абрама Петровича Ганнибала 1705-1752 годы. Внешний вид документов и старинный (писарский) почерк XVIII века.

Миниатюра с изображением Ивана Абрамовича Ганнибала — работа неизвестного художника XVIII века.

Абрам Петрович Ганнибал был не только военным инженером, но и гражданским.

И на одной из витрин — карта Марциальных вод (Карелия, река Вегмас), выполненная рукою Абрама Петровича Ганнибала (1724 г.) В то время Петр Первый был еще жив и, несомненно, это инициатива Императора — снять копию будущего первого Российского курорта. Под картою рукою П. Ганнибала подпись: «Снимал Абрам Петрович и принес в канторку ? 1724 году октября 4 день».

Пушкин к изданию 1825 года «Евгения Онегина» писал: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию».

Прошло время. Не только полные биографии Ганнибалов издаются, но и создан комплекс музеев, посвященных этому славному африканскому племени Ганнибалов.

При выходе из дома невозможно не обратить внимание на великолепный шкаф XVII века работы европейских мастеров.

Связующим звеном между домом и озером, напоминающим хозяевам о славных баталиях их рода, является парк, куда мы сейчас и направимся.

Парк

Петровский парк — образец садово-паркового искусства конца XVIII-начала XIX веков. Парк весьма невелик, границы легко просматриваются. Планировался парк хозяином дома, Петром Абрамовичем Ганнибалом. Но интересно отметить, что в то время были модны так называемые английские или ландшафтные парки. А в Петровском парк спланирован во французской манере — это регулярный парк. Можно предположить, что Петр Абрамович планировал этот парк по советам отца, который молодость провел во Франции и знал прекрасно французскую парковую архитектуру.

Центральная липовая аллея через небольшие террасы приводит к берегу озера Кучане. Это композиционная ось всего парка, замыкается она беседкой-гротом.

Вправо и влево от центральной липовой

аллеи уходят боковые аллеи — разного времени посадки и формирования. Интересна уходящая влево аллея стриженых (карликовых) лип. В боскетах, образуемых аллеями, посажены фруктовые деревья — как, предполагается, было и при старых хозяевах.

Грот-беседка — интересное двухъярусное архитектурное сооружение. Нижний ярус напоминает грот, а на верхнем — беседка. Можно представить: на верху, в беседке стоит стол, кресло, и хозяин дома — старый арап Петр Абрамович Ганнибал — кушает чай или водку, или водку с чаем и любуется великолепным видом, который открывается на озеро.

На противоположном берегу озера Кучане прекрасно просматривается Михайловское. Расстояние, если идти краем озера из Петровского в Михайловское, — 3,5 версты. И, несомненно, братья, Петр Абрамович — двоюродный дед Пушкина, Осип Абрамович — его родной дед, часто навещали друг друга.

Стоя на этой беседке с видом на Михайловское, хочется еще, на прощанье, чуть продолжить Ганнибаловскую тему. Было бы несправедливо обойти вниманием родного деда Пушкина — Иосифа (Осипа) Абрамовича Ганнибала.

Он родился в 1744 году в Ревеле. Кстати, все сыновья Абрама Петровича тоже родились именно там, и только последний — Исаак — на Псковщине.

Интересно, что когда он, дед Пушкина, родился — отец дал ему несколько необычное имя — Януарий (Генварий). Но это имя было очень трудно выговорить его матери. Кристина Матвеевна, видимо, недостаточно владела всеми премудростями русского языка. Она говорила: «шорный шорт делит мне шорный ребят и дает им шертовские имена». И по ее настоянию будущего деда Пушкина стали звать Иосифом, в просторечье — Осип.

Так вот, этот Януарий-Осип был ужасом семьи, грозой семьи, ее несчастьем — такой ему достался характер. В Петербурге он окончил военную школу и дослужился до чина флота артиллерии капитан 2-го ранга.

Был женат на Марье Алексеевне Пушкиной (брак, видимо, был не по любви). Так же, как и его брат Петр, с женой не жил. В

80-х годах XVIII века переселяется в Михайловское и живет там безвыездно.

От брака с Марьей Алексеевной у него была дочь — Надежда Осиповна, будущая мать Пушкина. Существует легенда, что годовалого Александра Пушкина родители привезли показать деду, но, увы, эта версия не подтверждена документально.

Братья были очень похожи по характеру. К тому же, оба были несчастливы в семейной жизни и, оставив семьи, жили в одиночестве. Впоследствии Пушкин так описал историю несчастливого брака своего деда: «Дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной — дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего... И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекали его в удивительные заблуждения».

Прожив с женой некоторое время под Петербургом, он вдруг оставляет ее, пишет, чтобы она, «к успокоению его на глаза ему больше не показывалась более, а получала бы приличествующее ей содержание». Приехав на Псковщину, Осип Абрамович Ганнибал при живой жене и дочери — будущей матери Пушкина Надежде — женится на местной новоржевской помещице, вдове, капитанше Устинье Ермоловне Толстой, представив фиктивные справки о том, что жена его Марья Алексеевна, якобы, померла.

Но Марья Алексеевна вовсе не думала помирать. Узнав об этом непонятном браке, она жалуется Екатерине Второй. Завязывается переписка между двором и Осипом Абрамовичем. Между двором и Марьей Алексеевной...

Интересы Осипа Абрамовича защищал его сосед и брат по судьбе Петр Абрамович.

Защиту интересов Марии Алексеевны и Надежды Осиповны взял на себя Иван Абрамович Ганнибал.

В конце концов, этот абсурдный брак был расторгнут. Осип Абрамович Ганнибал должен был бы служить на северном флоте, дабы службой замаливать свои грехи. Но почему-то там он так и не появился.

Совсем недолго продлился брак Осипа Абрамовича с Устиньей Ермоловной. Потом та судилась с ним. Требовала деньги за какие-то закладные ценные бумаги, которые легкомысленный дед Пушкина подписывал не глядя.

Он умер в 1806 году и похоронен на почетном месте — у алтаря Успенского собора Святогорского монастыря. На двенадцать лет пережила своего супруга Марья Алексеевна. И когда она умерла в 1818 году, ее похоронили в одной могиле с мужем. Наконец-то, после долгих лет разлуки, супруги снова вместе.

Каждого из сыновей Ибрагима Ганнибала можно как-то охарактеризовать одним словом:

Иван Абрамович Ганнибал — самый умный.

Петр Абрамович — самый черный.

Исаак Абрамович — самый веселый.

А дед Пушкина Осип Абрамович — самый красивый.

Пушкин — в самого красивого пошел.

Несколько слов о самом веселом, Исааке Ганнибale.

Родился он в 1747 году, по видимому, здесь, на Псковщине. Был веселый, неувывающий человек. Хотя, иной раз его веселье было через край.

Рассказывают, что он на Ворониче избил жену священника за то, что та отвергла его домогательства. После побоев померла.

Легкомысленный и беспутный — он часто пускался в какие-то сомнительные мероприятия, попадал в долговые тюрьмы, из которых его с трудом вызволяли родственники.

Он был на три года моложе Осипа Абрамовича. И так уж судьба распорядилась, что он, с интервалом в три года, тоже связался с этой новоржевской вдовой, капитаншей Устиньей Ермоловной Толстой. И она тоже, как и у брата, требовала у него каких-то непомерных денег за легкомысленные обязательства. Вообще, капитанша Толстая — роковая женщина для семьи Ганнибалов. Олицетворяла собой Леди Макбет новоржевского уезда.

Исаак Абрамович был женат на Анне Андреевне Чихачевой. Это известная Псковс-

кая фамилия. Сейчас даже есть на Псковщине станция Чихачево. И из этого рода вышел знаменитый адмирал Чихачев. У веселого, неунывающего Исаака Абрамовича была большая семья. И он называл своих домочадцев: «Вся толпа моего семейства».

После смерти Исаака Абрамовича (умер он в 1804 году), семья его оказалась в довольно затруднительном положении. Именье Воскресенское было опутано долгами, кого-то из детей отдали в учебные корпуса...

Имение Исаака Абрамовича — Воскресенское — находилось в пяти верстах от Петровского, неподалеку от очень красивого озера Белагуль. К сожалению, ни парк, ни усадьба не сохранились. Неизвестна и могила Исаака Абрамовича, похороненного там же где-то в Воскресенском.

Ганнибалская тема в Пушкинистике неисчерпаема. Невозможно приподнять даже кончик одеяла, которое ее окутывает. Но, чтобы завершить разговор о Ганнибалах, следует привести еще хотя бы два фрагмента из жизни их рода:

Семен Исаакович Ганнибал — один из сыновей самого «веселого» — был безнадежно влюблен в сестру Пушкина Ольгу Сергеевну, хотя был много старше ее. Сохранилась миниатюра с изображением Семена Исааковича. На ней он предстает сорокалетним мужчиной с одутловатым лицом и очень печальными глазами. Ухаживания Семена Исааковича были всем известны и вызывали резкие насмешки среди Пушкиных-Ганнибалов. И особенно злословила по этому поводу сама виновница, Ольга Сергеевна.

Его брат Яков Исаакович Ганнибал был женат на сестре хозяйки Тригорского — Елизавете Александровне, урожденной Вындовской. То есть получается, что Пушкин находился в далекомстве с хозяевами Тригорского через своих родственников Ганнибалов.

В порядке анекдота можно Ганнибаловскую тему закончить вот чем. Все Ганнибалы были людьми весьма любвеобильными, страстными. У них было множество незаконных детей «мужеска и женску» полу. И вот, якобы, незаконные дети Ганнибалов, ссылались в определенную деревню, недалеко отстоящую от Святых Гор. Эта деревня и сейчас сохранилась. Очень

красивая: вековые деревья, пруды... А название имеет самое бесхитростное — Арапово.

Но шло время. И некоторые из незаконных потомков арапа Петра Великого, как говорится, «вышли в люди». И начали претендовать на то, чтобы им позволили носить родовую фамилию Ганнибалов. Видимо, на стол Николая Первого ложилось множество прошений подобного рода. А надо сказать, что Николай Первый был ревностным поборником чистоты дворянской крови. И он требовал у местных властей выяснить — действительно ли так уж много Ганнибалов?

Начали выяснять, и оказалось, что их действительно много. Что они проживают и в Святых Горах, и в Новоржеве, и в Опочке, и в Велье, и в Бежаницах, и в Пскове, и в Великих Луках.... И в обеих столицах империи, а также и в «прочих городах».

Николай Павлович, видимо, осерчал и... Разрешил незаконным Ганнибалам прозвывать себя Ганнибалами, но с условием: читать фамилию наоборот, то есть справа налево — Лабиаги.

Этим анекдотом и хотелось бы завершить бесконечную Ганнибаловскую тему.

Но чем же кончилась тяжба деда Пушкина Осипа Абрамовича с его женой Марьей Алексеевной?

А вот чем: от него была отобрана деревенька Кобринко в Гатчинском уезде и отдана в пользу законной жены и дочери. Кстати, сейчас в Кобринко есть уникальный музей — сохранившийся домик брата Арины Родионовны. Она родом оттуда, Гатчинская.

Марья Алексеевна хозяйство вела очень рачительно, сумела скопить немало денег, чтобы дать образование и отличное воспитание дочери своей Надежде Осиповне (ее иногда называли *la belle creole* — прекрасная креолка). И не мудрено, что когда в 1796 году ее встретил дальний родственник, гвардеец-измайловец, поэт Сергей Львович Пушкин — молодые люди полюбили друг друга. И вскоре в Воскресенской церкви в деревне Суйда (недалеко от Кобринко) состоялось их венчание. Конечно, присутствующие на венчании и предположить не могли, что на их глазах рождается семья, которой суждено будет войти в историю русской культуры. Семья, где три года спустя родится Александр Сергеевич Пушкин.

Об А. В. Буковском

«Начинающий экскурсовод рассказывает все, что знает, опытный — необходимо» — таково профессиональное кредо Александра Буковского.

Конечно, экскурсия Александра Владимировича — это, прежде всего, труд многих поколений коллег-пушкинистов, компиляция из разных источников (по его словам, «если писать список используемой литературы, он будет, наверное, длиннее самой экскурсии»).

И все же (и это тоже прежде всего) — это собственное виденье, своя интонация, отношение к предмету, где, как в игре артиста, важен не только персонаж, но и сама игра. Возможно, это и гражданская позиция, в том лучшем понимании слова, которое определяется отношением к истории Отечества через факт отдельно взятой личности.

Ученик Гейченковской школы, его соратник и помощник, Александр Владимирович усвоил и правила его «игры», внеся в нее и собственное виденье. Его интонация — интонация вчерашней разлуки, желание победить время, рассказывая о том, с кем только по нелепому недоразумению разминулись в веках. Кому из нас, живущих, не знакомо чувство этого «нелепого недоразумения»?

Тот, кто хоть раз побывал на его экскурсии, стремится попасть снова, завороженный не только магией слова, но и обаянием личности, «энергией текста», позволяющей увидеть реальных людей в их реальном времени, окулярно приближенному к нашему.

Мы сделали попытку зафиксировать, хотя бы фрагментарно, вариант экскурсии Александра Буковского для тех, кто, даже находясь вдали от Михайловских троп, готов прогуляться по ним с умным собеседником.

Художественный перевод

Поэзия

Михаил ЧЕРНИК (Чехия) —
Валерий Басыров (Украина)

Мгновение

Вдыхаю рассвет
и угасать начинаю.
Но когда пресыщаюсь влагою жизни, —
соперничаю со смертью.

Если не будет денег на соль,
я добуду ее из слез своих.
Слова я вырежу из камня,
если они замерзнут на устах моих.

Человеческие минуты

Нужно так мало...

Подберем гальку
и согреем ее ладонями.
Возможно, она поблагодарит
нас за это.

И цветы увядают без ласки,
а ведь терпят наше дыхание...
Они так боятся темноты,
что закрывают лепестками
свои лица.

Срезают их и дарят.
Неравный обмен:
за человеческие минуты радости
расплачиваются своей смертью.

Сбор яблок

Срываем яблоки —
прекрасные зимние плоды.
Осторожно укладываем их в ящики.

Придет твой час,
и тебя сорвет чья-то рука.
На мгновение задержит в ладони,
и ты содрогнешься от ужаса
в ожидании конца...

Иржи ГОНЗИК (Чехия) —
Ирина Силецкая (Россия)

* * *

На горы пала ночь, ей власть и время,
Как Бога вздох, тиха, в согласье с ним.

Меня преследуют опять любимых тени,
Но «Нет, ах, нет!» — я отвечаю им.

Еще бродить долиной мне так славно,
Быть братом людям, вереску и камню.

* * *

Край леса, пруды и луга, и покой,
И ветер затих в дуба кронах.
Как в русском романе, в тиши за водой
Тоскливо вдали ржали кони.

Вопрос прозвучал: «Что еще б ты хотел?»
Под чуть затуманенным небом
Безвременья цвета руками развел
Беспомощно я только: «Мне бы

Прожить все опять, пусть добро будет, зло.
Услышишь ли ты мое слово?
Раз можешь, то сделай, чтоб мне повезло
Прожить бы все заново, снова».

* * *

Тиши лежит над водами большая.
Захлебнулось все от изумленья,
Замерло, и в это же мгновенье
Ангел здесь прошел в большой печали.

Прошлое пусть спит, будить не надо,
Не выпытывай, что дальше в жизни будет.
Словом не испытывай ты судеб.
Слово — не топор, но в кровь изранит.

Настоящего мгновенья быстротечность
Нам приоткрывает двери в вечность.

* * *

Имея осень за спиной, ты замечаешь,
Что изменилось что-то. Боже мой!
Все выглядит иначе. Понимаешь,
Что изменилась жизнь и мир весь твой.

Цветок сильнее пахнет, ярче солнце
И бег быстрее легких облаков.
До горизонта только остается
Всего каких-то несколько шагов.

Перестаешь жалеть ты о дорогах,
Которые прекрасней, лучше всех.
Но в никуда вели. Устали ноги,
Подножки, шрамы не считаешь, неуспех.

Имея осень за спиной, совсем неплохо
Живется мне, но иногда остановлюсь
Посреди склона. Почему? Известно Богу,
Мне не понятно, я не знаю, почему...

Зденек ЯНЕК (Чехия) —
Ирина Силецкая (Россия)

Музыка

Кажется мне, что лечу
На голубом ковре.
Как я вернуться хочу
К свежести детских лет.
Но я напрасно ищу
Детских сокровищ след.
Хоть зажигаю свечу,
Там его больше нет.

Девичьих губ берега
Под языком хранят
То, что я в землю, в снега
В детстве успел закопать.
Там повелитель Луны —
Рыбы молчащей король —
Ловит на певчую нить
Удочки рифмы боль.

Как жена Лота

Неисповедимы пути наши, судьбы,
Полевые стежки средь осени будней.
Вот вчера застрял я на одной из многих,
У ворот таможни, оглянуться чтобы
В царстве зазеркалья, как жена у Лота,
И увидеть чудо, волшебное что-то:
Хвост зари павлиний, чудесный, огромный,
Распростертый в небе, веер дамский словно.
И в глазах лазурных зари первозданной
Пурпурным гранатом взошло солнце раннее.

Ты мне нравишься такая, какая есть

Такую бы женщину мне бы иметь —
Поющую, как струны сладостной скрипки,
Была чтобы пылкой, поток как, и гибкой,
И выдержала чтобы и бури, и смех,
Чтоб пахла ромашкой в мгновенья утех.

Такую бы женщину мне бы иметь —
Упругую, будто хлыст вербный на Пасху,
И стройную, с амфорой на голове,
Как будто гречанка. Всесело во власти
Любви чтоб была, ничего не боялась!
Такой ты была, и такой ты осталась.

Такой, как ты есть, ты мне нравишься, солнце,
Хоть время неспешно годичные кольца
Рисует в твоей красоте величавой.
Осенняя радуга тихо подкралась...
Во сне волшебства, о тебе вспоминаньях
Мне пахнет ромашкой в путях моих дальних.

Вскрытие

Невозвратившийся полет
И черного ящика вскрытие.
Захочет кто, тот поймет,
Но не совершил открытия.
Подсчет всех телесных грехов,
А также и добродетелей.
Последняя битва, поход
За знанием без свидетелей.

Непознанная любовь

Непознанная любовь —
несыгранная мелодия
На партитуре слов
Сердца! Не тайна, вроде,
Но женщины тихо хранят

Ее, как ребенка в зачатье.
Мужчины о ней молчат,
Им снятся ее объятья,
И грезится им свой сон
Земли той обетованной,
Где есть лишь она и он,
Где нет нелюбимой, незваной.

Иржи ЖАЧЕК (Чехия) —
Лев Рябчиков (Украина)

Мой край

Край, где земля рожает валуны
И где, как камни, жёстки к себе люди,
Живою речью родники полны,
Черпайте сказки, песни — не убудет.
И где картошка, как лоза, растёт,
В ручьях сверкают золота крупицы,
Где трудно жить, а всё народ живёт,
А нечисть воет и сбежать стремится,
Где если свадьба — все спешат за стол,
А после похорон бредут смиренно,
То — глушь, где туча трётся о костёл,
Налив воды в живот свой здоровенный.
Край, где пчелиным мёдом пахнет свет,
Где жаворонок лёт свои коленца,
Где матушке всего семнадцать лет,
Как ржавый нож, в моём застрял ты сердце.

Чашка

Как небо, голубая чашка.
О маме в память в ней нашлось
Колечко, пуговки, медяшка,
Ёё заколки для волос.

Пила из неба. Год всего назад.
Ей, может, снюсь на небесах:
Лью в чашку ей я кофе аромат,
Но пью его (увы!) я сам.

Ноябрь

Лист упал. Другой. Их носит
Ветер, взяв над ними власть.
Хорошо нас учит осень:
Опадать, но не упасть.
И, под ливнем встав, стеречь
Мёртвую красу берёз.
Как хмаря небо скинет с плеч,
Нам скуёт сердца мороз.

Вацлав ГОНС (Чехия) —
Тамара Гордиенко (Украина)

Любовь

К земным я
Спустился ангелам
С космических
Гор и бездн.
Я таю, как дым метафор
Костров, горящих окрест.
Так дай мне,
Поэту, свет свой,
Поставив
На ночи крест.

Перевозчик

Брожу неприкаянно,
Всеми забыт.
Никто не встречает
У входа в Аид.

Ничто не изменишь,
Хоть был бы и рад.
Меня не везут
Ни туда, ни назад.

Топчуясь я у Леты,
Не слыша шагов,
Как будто с обоих
Сметён берегов.

А лодочник, мрачный
Харон-старикан,
Паркует у мельницы
Красный «Ниссан».

Пожалуй, с Хароном
Сегодня прощусь.
Уж лучше, родная,
К тебе возвращусь.

Иван СКАЛА (Чехия) —
Павел Кашаев (Украина)

Неоконченное стихотворение

Кто сохранил способность глаз искриться
И, как дитя, у родника застыл,
Где овцы пьют хрустальную водицу
И отдыхают, чтоб набраться сил.
Кто, не скрывая искренние слезы,
Почувствовал в себе ученика
И ощутил немую дрожь березы
В обыкновенной ручке молотка.
Кто сохранил цветок фиалки нежной
Под ароматной промокашкой снов,
Кого заворожил весной безбрежной
Девичий свитер ласковых тонов.
Кто сотни раз сгорел в огне сердечном,
И, словно Феникс, возродился вновь,
Кого по щебню острому беспечно
Ведет загонщик — вечная любовь,
Кто ценит счастья каждое мгновенье
И не случайно верит в волшебство,
Пусть завершит мое стихотворенье,
Что для нее писал и для него.

Иржи ЖАЧЕК (Чехия) —
Павел Кашаев (Украина)

Песенка о некрасивых девчонках

Некрасивые девчонки
вечно держатся в тени,
Но зато смеются звонко
сами над собой они.
Понимают хохотушки:
ночь не мчится, а ползет,
Где красавицам-подружкам,
а не им в любви везет.
Лишь о том переживают,
чтоб порыв души не стих.
И, как лошадь ломовая,

тянут ношу за двоих.
Не спешат другим признаться
в том, что не пришел жених,
Бряд ли будут парни драться
или спорить из-за них.
Любят доброту и радость,
в трудный час дадут совет,
Им плевать на «благодарность»
ту, в которой чувства нет.
Словно кофе, жизнь глотают,
не пытаясь подсластить.
Так привыкли. Точно знают:
ничего не изменить...
Зря иллюзий не питают,
Глядя на свои черты,
Перед зеркалом вздыхают:
«Ну, и пугало же ты!
Выглядишь весьма ужасно —
оттого бросает в дрожь...
Ты придумала напрасно,
что слепому подойдешь»
Но потом, довольно мудро,
отойдя от грустных тем,
Засыпают лишь под утро,
чтобы избежать проблем.
Если кто-то рад стараться
комplimentом угодить,
Скажут: «Эй, кончай «трепаться»
и подальше отойди!..»
«Некрасивых не бывает...» —
можно так судить-рядить,
Но, увы, девчонок в этом
Не пытайтесь убедить...

Эва ФРАНТИНОВА (Чехия) —
Павел Кашаев (Украина)

Вместо...

Мы часто экономим на словах.
И для поэтов это не новинка.
Но... вместо строк застынет на зубах
Жевательная липкая резинка.

Карел Сыс (Чехия) —
Ольга Прилуцкая (Россия)

Даниэл Строж (Чехия) —
Ольга Прилуцкая (Россия)

Аничка, в траву присев, вздумала покушать.
«Вряд ли буду я в раю столько песен
слушать!»

Треск цикад и шум машин —
звучит как симфония...
Техника, природа, мы — полная гармония!
Голуби печенные стайкой в рот влетают.
Их зубастые воротца с радостью встречают.
Светит солнце,
Бог чудесный день благословляет.
Сердце, сладко замирая, счастье предвкушает!

Голод — циничный повар

В мире каждые пять минут
Умирает ребенок от голода.
Бог поставит кому-то в вину
Эти смерти без всякого повода?

А обжоры полны безразличия,
На холеных руках часы,
Дорогие до неприличия,
Равнодушно стучат: «Я сыт!»

Бог не слышит, не замечает
Бой курантов, звучащий, как гром.
А поэт в сотый раз включает
Упреждающий свой метроном.

Когда я уйду...

Я вырезал марку. В конверте
Осталось о скорбном письмо...
Кого-то той вестью о смерти порадует,
знаю, оно.

Поэтому очень прошу вас,
Когда я уйду на тот свет,
Не стоит затрат эта новость —
бесплатным пусть будет привет!

Из чаши жизни пью взахлеб.
И потому пугает старость.
Кто знает, сколько мне осталось?
Рука вдруг завтра подведет?

Без сил опустится она —
Не взять, не дать и не обнять...
Дрозды пьют дождик у окна.
Пока могу я сочинять,

Пойду долью себе вина.

О грехах

В грехах я своих ни пред кем не покаюсь
Нигде, никогда, и, тем паче, не в церкви —
В душе их запру, в «несгораемом сейфе».

Умру я... Сожгут... В урне с пеплом, смущаясь,
Вина моя будет постукивать камнем —
О том нерасказанном, тайном и давнем.

Мирослав Флориан (Чехия) —
Ольга Прилуцкая (Россия)

В полях

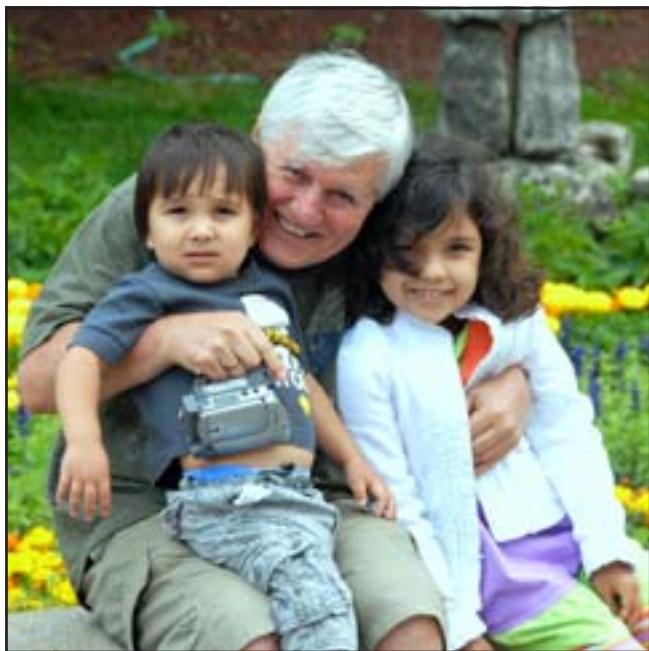
Каплю за каплей кровь
Буду терять со словами,
Коль золотая бровь
Лиры пронзила стихами.

В жаркий и знойный день
Каплей последней я выльюсь.
Ветер — и солнце в тень...
Крыльями птицы выгнулся.

Кровь обратится в мак...
Вы соберите букеты,
Слушайте, — в ваших домах
Я зазвучу сонетом.

Рефат Шакир-Алиев

Улыбнись!

ет тесные дружеские литературные связи с Крымом. Здесь сбылась его давнишняя мечта — он издает книги в издательстве «ДОЛЯ» на своей исторической родине. Рассказы из книги на крымскотатарский язык перевел Сейран Сулайман, поэт и переводчик из Симферополя. На английский язык свои произведения автор переводит сам. Рассказ «Сеньк ю», публикуемый в журнале «Доля», из книги «Австралия — удивительная страна». «Thank you» на английском языке выиграл первый приз на австралийском литеаконкурсе «The Great Dandenong Short Story Competition».

СЕНЬК Ю

Австралия — удивительная страна. И что здесь самое удивительное, это — газоны.

Я как приехал сюда из России, так сразу стал искать работу. По специальности, конечно. Я — строитель, и, между прочим, неплохой. Правда, молодость давно уже сделала мне ручкой, но свои рабочие башмаки я пока изнашиваю быстрее, чем домашние тапочки.

Захватив сына, — с английским у меня нелады, — я двинулся в строительную компанию. Там встретили так, как будто им только нас и не хватало для полного счастья. А когда я заявил, а сын перевёл на английский, что сам в одиночку могу срубить дом от первого камня до последнего гвоздя, они прямо-таки засияли. Пожав мне руку, сказали «кол ю» — дескать, «позвоним».

«Полный порядок», — сказал я про себя, а им с достоинством ответил:

— Сеньк ю.

На всякий случай мы обошли ещё несколько предприятий. И везде тот же приём.

Рефат Шакир-Алиев (Австралия, г. Перт) родился в 1945 году в Астраханской области. Родители — врачи. Отец — татарин по национальности, мама — русская. Его детство и юность прошли под Ташкентом. После окончания Ташкентского медицинского института много лет работал врачом-психиатром, был главным специалистом Минздрава Узбекистана. В Австралию переехал в 1996 году. Сначала прошел все «горьковские университеты», выполняя любую тяжелую физическую работу, в дальнейшем до самой пенсии работал врачом.

В Австралии Рефат Шакир-Алиев занялся и литературным трудом. Видимо, здесь тоже сказались гены. Его дед по отцовской линии, Якуб Шакир-Алиев, — классик крымскотатарской литературы, продолжатель идей и начинаний выдающегося просветителя Исмаила Гаспринского.

Писатель выиграл несколько литературных конкурсов. Сейчас живет в США. Поддерживает

— Хороший строитель, он везде нарасхват, — сказал я сыну.

Прождали неделю, вторую... Ни гугу. Мы опять туда. Они улыбаются, как ни в чём не бывало, и опять мне своё «кол ю». А я им свою «сеньк ю». Короче, закрутилось дело как несмазанное колесо: кол ю — сеньк ю — кол ю — сеньк ю...

Хотел я с ними поговорить задушевно, по-русски, да язык не повернулся. Уж больно мило они улыбались.

Так бы и ждал их «колов» до чьей-то пасхи, если бы не Тим, мой земляк. Вообще-то, он — Тимофей, но здесь его кличут Тимом. Должен сказать, мужик он исправный. Светлая голова! Приехал сюда всего на девять месяцев раньше меня, а уже и по-ихнему начал чесать, и опыта здешнего набрался — мне бы до конца жизни хватило. Он предложил разносить рекламу вместе с ним, сказав:

— Все с этого начинают.

Работка, я вам скажу, для ходячих пенсионеров. Солнышко светит, птицы поют, цветы

— Вы что, спёрли?! — прошептала жена и в ужасе всплеснула руками.

Мы с Тимом перебросились снисходительными улыбками. Потом Тим стал просвещать её об австралийских обычаях, а я поддакивал ему. Моя жена долго не могла взять в толк, с какой это стати новые вещи должны валяться на газоне. Тим ей про экономическое благосостояние Австралии, а она всё своё талдычит:

— Я понимаю, — говорит, — Австралия богатая страна, но не настолько же, чтобы дорогими гарнитурами разбрасываться.

Но Тим так чётко разложил всё по полочкам, что, в конце концов, жена задала вопрос по делу:

— А вы, случайно, стиралку не видели на газоне? Я уж запарилась в прачечную бегать.

— Будет тебе, дорогая, и стиралка, будет тебе и свисток, — пообещал я.

Наш интерьер, конечно, её не устроил, и она заставила нас переставить мебель. Спорить с ней — время терять. Под её чутким руководством провозились ещё битый час. Она так вошла в роль, что ей и в самом деле только свистка и не хватало.

Вдруг жена спохватилась, что старой-то мебели нет. Тим принял было втолковывать ей, что такое «интерьер», но она отмахнулась и побежала на газон. Вернулась со счастливой улыбкой на лице и двумя облезлыми табуретками в руках.

— Наша-то мебель ещё там, — сообщила она. — А табуретки сгодятся, если гости нагрянут.

— Ты что, гостей на эти пеньки собираешься усаживать? — проворчал я.

Хотел я вышвырнуть эти деревяшки, да потом махнул рукой. Чёрт с ними, пусть валяются в углу. Они, по крайней мере, интерьера не портят.

Вот, наконец, и пришло время, как говорится, обмыть обновки. Жена на новый стол настелила праздничную скатерть и выставила закуски. Я из нового холодильника достал бутылку «Столичной», которую ещё оттуда привёз на всякий такой случай.

— Пусть этот день будет худшим в нашей австралийской жизни! — красиво вступил Тим и произнёс прочувствованный тост за пропретание Австралии.

Мы поддержали его с превеликим удовольствием, поглядывая на новый интерьер. Жена даже прослезилась. Потом вспомнила, что обещала подруге навестить её, и убежала. Известное дело, не терпится похвастаться. А мы продолжили...

Где-то после третьего или четвёртого тоста

за здоровье и щедрость австралийцев раздался звонок. Широко распахиваю дверь. Какой-то австралиец стоит, лопочет по-ихнему, а сам всё внутрь квартиры заглянуть норовит. Прослышил, видимо, о наших обновках, поздравить пришёл.

— Милости прошу к нашему шалашу, — широким жестом пригласил я его. — Будешь первым австралийским гостем у нас!

Он зашёл — и сразу к мебели. Ощупывает её, ахает и руками размахивает. Короче, восторг выражает. Радость нашу разделяет.

— Сеньк ю, — сказал я с поклоном.

А он всё восторгается.

— Сеньк ю, — повторил я и опять поклонился.

Но австралиец вдруг помахал пальцем перед моим носом и завопил:

— Ноу сеньк ю!

Я аж шарахнулся от него.

— Он, кажется, бывший хозяин мебели, намекает, что одним «сеньк ю» не отделаешься, — догадался Тим и подмигнул мне. — Налей-ка ему штрафную, да по-нашему.

— Ну, а кто же против! — сказал я с радостью и налил водки в бокал. До краёв, как положено.

Придвинул к гостю стул и протянул бокал. Стул он проигнорировал, но от бокала не отказался. Опрокинул его и не поморщился. И даже не закусил!

— Во! Это по-русски! Мужик, что надо! — восхликал Тим.

Я тоже зауважал австралийца. Сразу видно, свой парень. А он снова затараторил, показывая на мебель.

— Повтори-ка! — Тим поднял руку и щёлкнул пальцами у своего горла.

— Распробовал мужичок нашу водочку. Видать, губа не дура, — одобрительно сказал я, довольный тем, что угодил гостю, и наполнил рюмки.

Но, сколько мы его не уговаривали, австралиец ни в какую. Он начал тыкать пальцем в стол, потом себе в грудь и показывать на дверь. Мы уставились на него в недоумении. Наконец, Тим допёр.

— Он нас к себе зовёт, хочет тоже мебель обмыть.

Мне было не в охотку идти куда-то. Сидел бы себе дома и любовался нашим интерьером. Но обижать австралийца тоже не хотелось. Он же — от души.

— Сеньк ю, — сказали мы с Тимом и поднялись.

Подошли к двери и ждём вежливо нашего гостя. А он пуще прежнего размахался руками.

ми. Тим предположил, что по австралийскому обычаю хозяева должны выходить первыми. Решили проверить. Вышли и стали ждать за дверями. Но гость и не думал покидать мой дом. Он носился от стола к серванту и назад, хлопал их руками. Затем схватил стул и начал орать благим матом.

— Чего это он? Окосел, что ли, от одного бокала? — хохотнул я.

А Тим вдруг изменился в лице. Вижу, ему не до шуток.

— Что-то тут не то, — сказал он, задумчиво глядя на разбушевавшегося гостя. — Кажись, влипли мы с тобой в историю. Давай Тотоше позвоним.

Тотоша, дальний родственник Тима, уже пять лет, как живёт здесь. Я позвонил ему и рассказал про новую мебель и про странного гостя, который и за стол не хочет садиться, и выходить из квартиры не желает, и что с ним делать, ума не приложим.

Тотоша не дослушав, заладил своё:

— Какая мебель? Чё производство? Дуб? Сосна? Где брали? Почем?

— Фри, с газона, — ответил я. — Кончай трепаться, разберись-ка лучше с этим бухим парнем.

Но Тотоша не унимался.

— А меня почему не пригласили? Я бы тоже пузырь принёс, шоб я так жил.

— Ещё обмоем, какой разговор. Сделай милость, узнай сначала, чего он из-под нас хочет, — взмолился я.

— Ну ладно, давай своего австрала, — смилиостивился наконец-то Тотоша.

Я протянул трубку гостю. Он поговорил и вернул трубку. Слыши, Тотоша хохочет.

— Чего это ты так развеселился? — спросил я.

А Тотоша заливается пуще прежнего.

— Чё ты ржёшь?! — Я вышел из себя.

— Сорри, сорри... — выдавил наконец Тотоша сквозь смех.

Я уж собрался бросить трубку, но Тотоша немного успокоился и сказал:

— Ты меня извини, старик, но должен тебя огорчить. Мебель-то его, он купил её сегодня утром.

— Чего!? Что-то ты не то толкаешь, уважаемый.

— Мебель принадлежит твоему гостю. И он её требует вернуть. Дошло, старик? — медленно, с расстановочкой сказал Тотоша.

— Вернуть, говоришь?

— Да, да, вернуть. И немедленно!

— Постой, постой, — не сдавался я. — Так что же он её выбросил на газон? Ты же слышал, надеюсь, про австралийский обычай?

— Какой обычай?

— А такой! Что на газон попало, то прошло.

— Ишь ты! — удивился Тотоша. Даже смеяться перестал. — Старик, ты меня просто убил своим знанием австралийских обычаяев. Где это ты успел нахвататься такого? Впрочем, всё ясно. Чувствуется школа Тима. Это он приложил руку к твоему социальному образованию, не так ли?

— Какая разница, кто! — огрызнулся я.

— Разница большая... — Тотоша многозначительно хмыкнул. — А теперь слушай сюда. Этот австрал мебель не выбрасывал. Он купил её с доставкой на дом. Здесь мебель доставляют и расставляют в доме по желанию покупателя. Произошла, я думаю, какая-то неувязочка, и мебель оставили снаружи перед домом. Оставили, а не выбросили, ты понял? А вы тут как тут. Учуял, чем пахнет, старик? Так что, скажите ему «сенък ю» за то, что он полицию на вас не натравил.

— Да говорили мы ему «сенък ю», сколько можно, — сказал я упавшим голосом. — Вот только мебель отдавать жалко. Прикинь, гарнитур-то под чёрный мрамор.

— Не горюй, старик, будут и нашей улице именины, — утешил меня Тотоша и расхохотался опять. — Да, не забудь сказать своему австралу «сорри», тут уж точно не ошибёшься с австралийскими обычаями.

— Пошёл ты, — буркнул я.

До поздней ночи мы перетаскивали мебель к австралийцу. Едва держались на ногах. А тут ещё жена вернулась. Стоит на газоне над нашей старой мебелью, чтобы её такие же, как мы, находчивые, не увели, и верещит:

— Я же вам говорила... я же вас, идиотов, спрашивала... вы мне своим чёртовым интерьером все мозги запудрили...

Жена заставила нас затащить старую мебель назад. Мы бы это сделали и без её понуканий. Не в пустой же квартире куковать.

А австралиец и на самом деле оказался хорошим парнем. Он помогал перетаскивать мебель и под конец угостил нас своим бренди. Бренды, конечно, не водка, но тоже ничего. Мы с этим австралийцем друзьями стали.

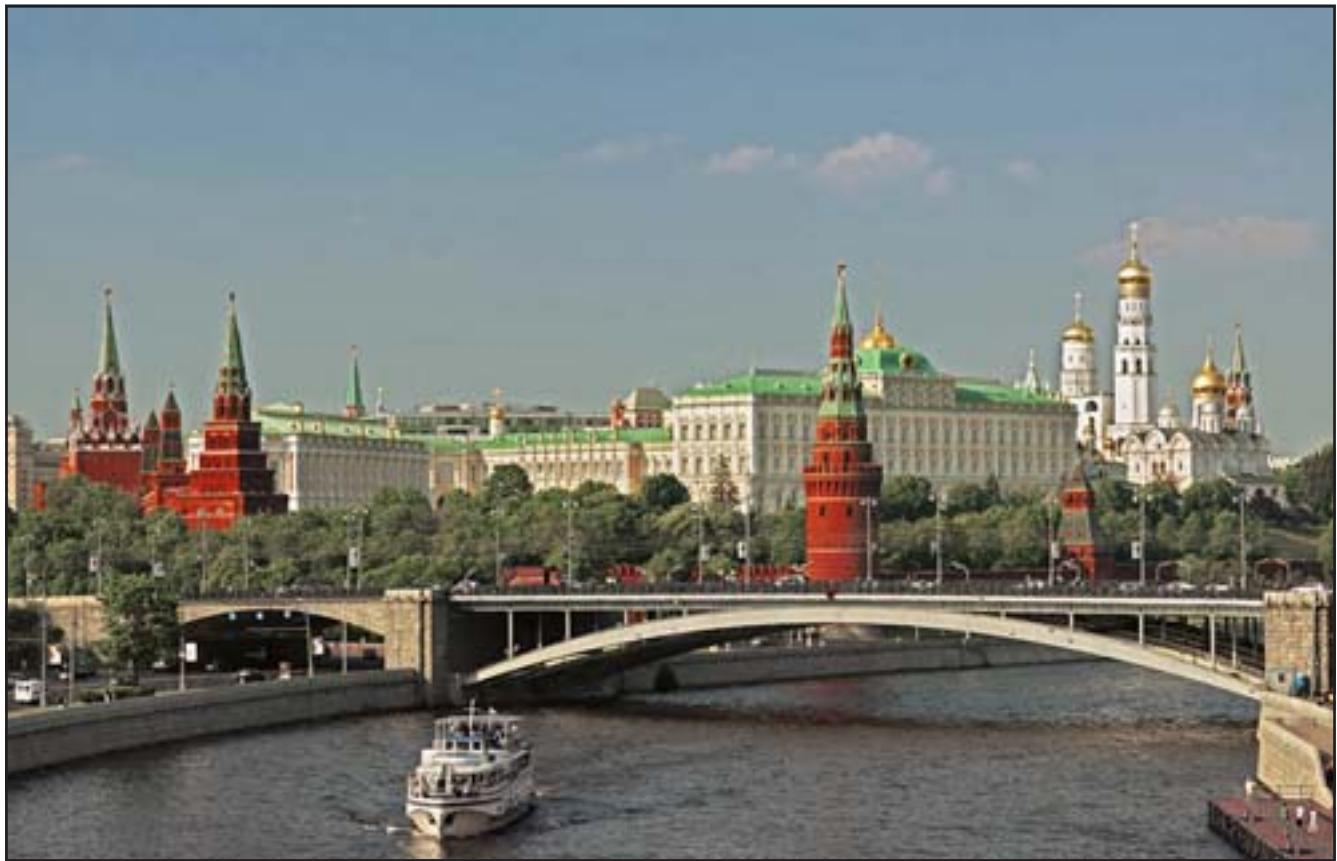
Долго я потом ждал, что кто-нибудь заявится за холодильником. Но пронесло. С тех пор я как увижу что-нибудь на газоне, так обхожу стороной. Дураков нет.

— Сенък ю!

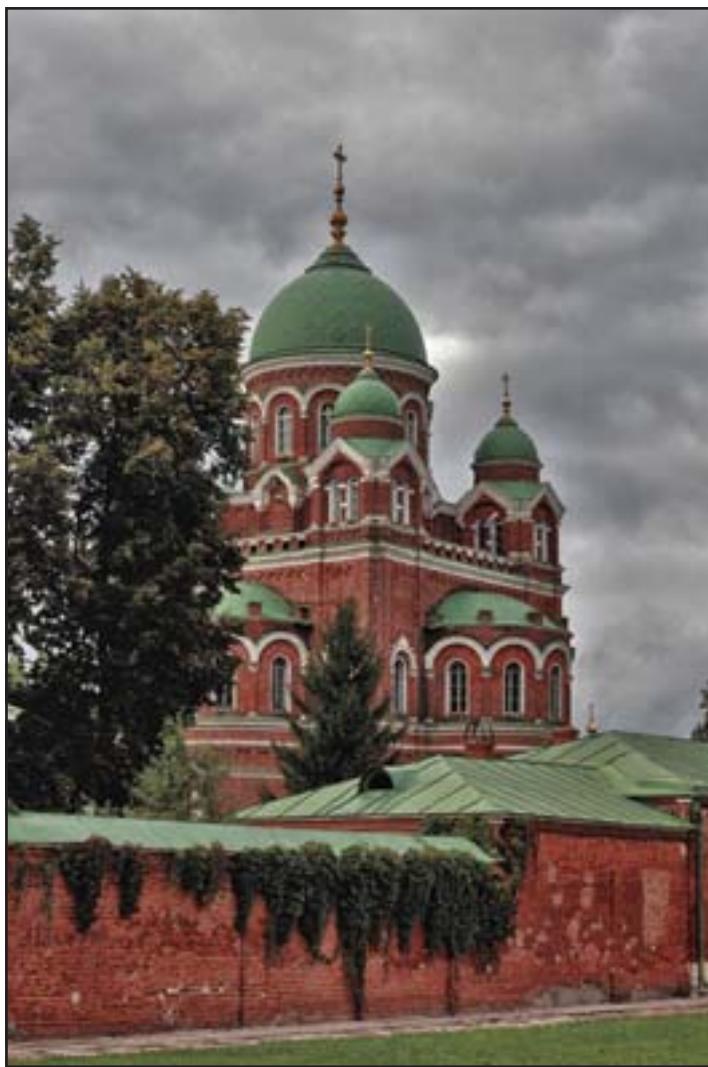
ФОТОВЫСТАВКА ЖУРНАЛА

*А. Климачёв (Москва). Автопортрет.
Беседу с А. Климачёвым провела фотограф
Светлана Волевская, она же — редактор журнала «Доля»
Ольга Прилуцкая.*

А. Климачёв.
Моя Москва.

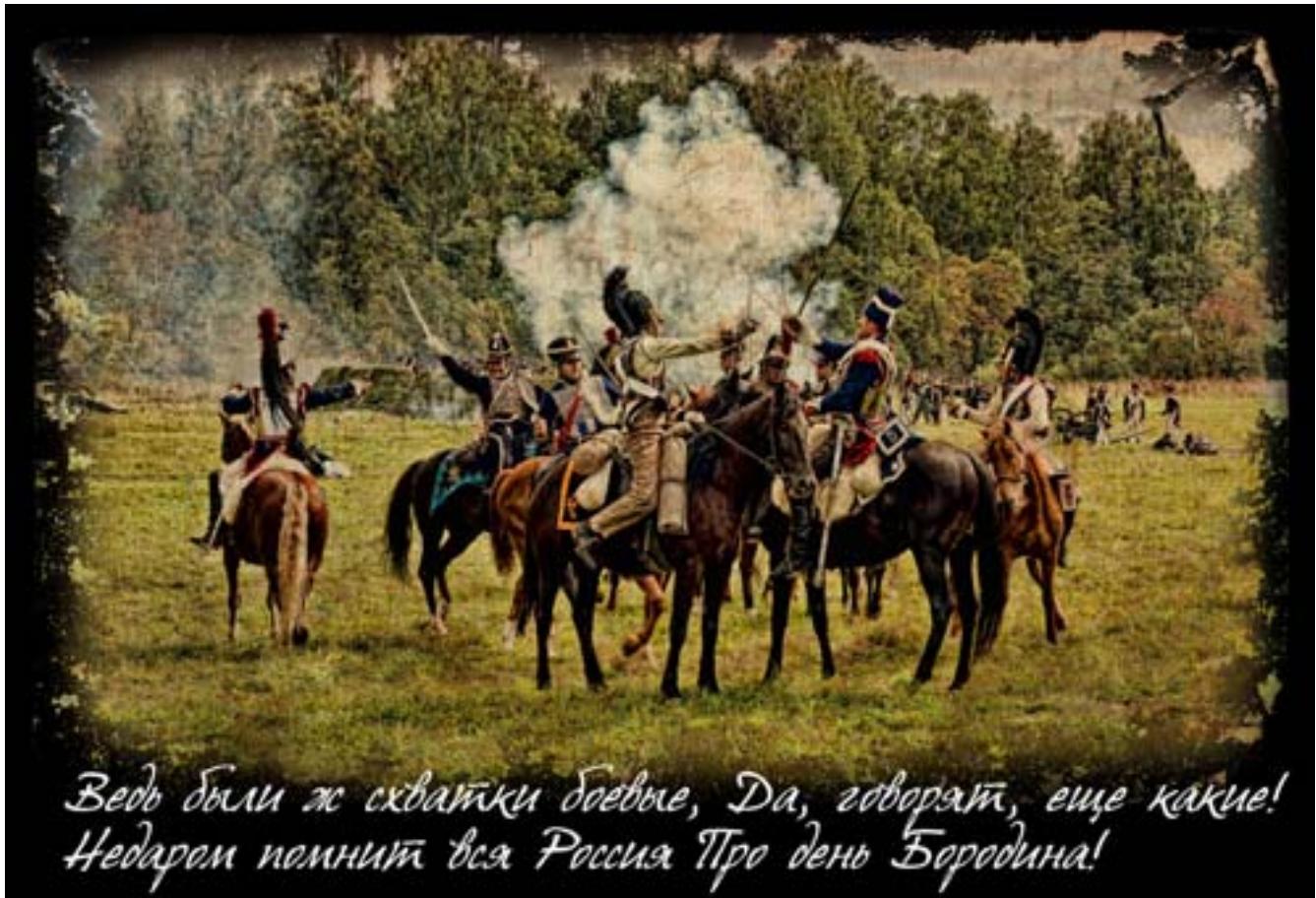
А. Климачёв.
Спасо-Бородинский монастырь.

А. Климачёв.
Гусары.

А. Климачёв. Армия Наполеона.

Всё были же схватки боевые, Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия Про день Бородина!

А. Климачёв и К. Мягков.
Реконструкция боя.

5 сентября 1812 г. произошло ожесточенное (Кутузов назвал его адским) сражение за Шевардинский редут. Против 12 тыс. его защитников французское командование бросило 40-тысячную группировку. «Наши делали чудеса, особенно кирасиры», — отметил Кутузов. Лишь угроза окружения заставила русских к 11 часам ночи оставить укрепление.

А. Климачёв.
Венец для Оберона.